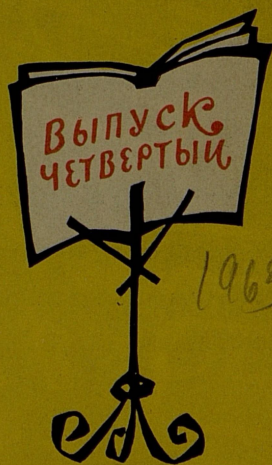

85.31

П 32

ПИОНЕРСКИЙ *Музыкальный* КЛУБ

С о д е р ж а н и е

<i>Дм. Кабалевский.</i> В добрый путь!	3
<i>А. Сизов.</i> Славный российский музыкант	8
<i>А. Руссовский.</i> У власти орлиной орлят миллионы...	13
<i>С. Виноградова.</i> Самые певучие	17
<i>В. Кведнау</i> (ГДР) Парижские встречи. Глава из книги „Клара Шуман“. Перевод М. Черневич	22
<i>Т. Лягина.</i> По Западной Африке (Путевые заметки)	32
<i>М. Волконский.</i> Во глубине сибирских руд...	37
<i>Л. Кершнер.</i> В поисках песни. В деревне Венги-гора	42
Чайнворд	46
Отгадай	46
<i>М. Мильман.</i> Александр Федорович Гедике	47
Птичьи Гаммы	51
<i>М. Булатов.</i> „Дубинушка“	52
<i>Н. Кончаловская</i> Гитара Сурикова	55
<i>В. Левшин.</i> Маленькая волшебница	60
<i>З. Андреева.</i> Чьи песни ты поешь! В. Соловьев-Седой	65
Викторина-ребус	69
<i>В. Белобородова.</i> Музыкальные почтальоны	70
Двадцать пять лет	76

ДОФАСИ В МУЗЫКАЛЬНОМ КЛУБЕ

<i>Эм. Александрова.</i> Музыкальный спор. Басня	77
Ребусы, музыкальные загадки	78
Ответы на загадки	80

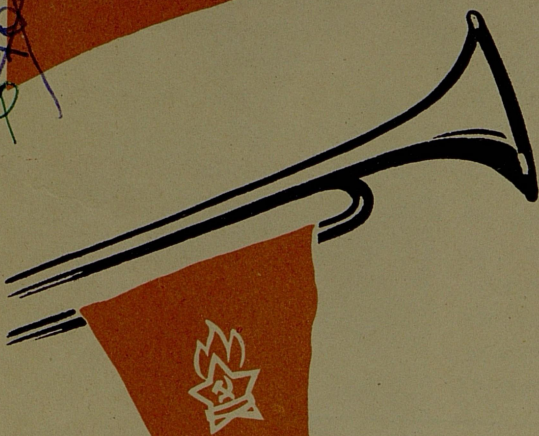
781 2013

85
п 2

П И О Н Е Р С К И Й Музыкальный КЛУБ

040846

Выпуск
четвертый

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
МУЗЫКАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

О С К В А

• 9 • 6 • 3

18

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА,
№ 98
Октябрьского района
г. Москвы

Ответственный редактор

О. ОЧАКОВСКАЯ

В оформлении сборника
принимали участие
художники:

В. Алексеев, Ю. Владимиров, Н. Гембицкая,
А. Елисеев, Ю. Игнатьев, Ю. Казмичов,
А. Медведев, Б. Свешников, М. Скобелев,
Ф. Терлецкий, Б. Фридкин

714848-2 Кх ред
Российская государственная
детская библиотека

Д.М. КАБАЛЕВСКИЙ

В добрый путь!

Дорогие ребята, юные мои друзья!

Когда я вижу вас — в школе или в пионерском лагере, дома или на улице, когда я разговариваю с вами и, особенно, когда слышу, как вы мечтаете о своем будущем, мне невольно хочется сравнить вас с путешественниками, собирающимися в далекий путь.

Между вами и путешественниками, в самом деле, много общего. Вы намечаете цель своего путешествия. У одних из вас цель эта — техника, у других — сельское хозяйство, у третьих — искусство, а сейчас,

вероятно, многие мечтают о космонавтике и нацеливаются по меньшей мере на Венеру или на Марс. И каждый намечает свой маршрут: одни рассчитывают добраться до своей цели через технический институт, другие — через сельскохозяйственную академию, третьи — через облюбованный ими завод или фабрику, четвертые — через консерваторию или театральное училище.

Вы все, вероятно, хорошо чувствуете и понимаете, что предстоящий вам путь по жизни намного сложнее, труднее и ответственнее самого сложного, трудного и ответственного путешествия по земле, но зато как увлекателен этот путь!

И вот вам, как всякому путешественнику, надо запастись всем, что в пути может понадобиться. А понадобится вам очень многое. За годы детства, чудесные школьные годы, вам надо овладеть многими предметами — всем, что содержат в себе объемистые школьные программы. Но не только этим. В юные годы очень важно воспитать в себе те качества, из которых и складывается облик настоящего человека: любовь к Родине, к своему народу, любовь к труду, умение быть точным и ответственным в выполнении своих обязанностей, честность и порядочность, сильную волю и храбрость, умение дружить, быть хорошим товарищем, умение культурно вести себя в любой обстановке... «Духовный багаж», который мы берем с собой, отправляясь в жизненный путь, конечно, будет постоянно расти, становиться богаче и содержательнее, но этот рост и обогащение нашего «духовного багажа» будет происходить медленно и с большими трудностями, если в детском возрасте мы крепко не заложим его основы.

Это в полной мере относится к литературе и искусству — тем областям духовного мира человека, которые делают нашу жизнь интереснее, содержательнее и красивее, которые помогают нам познавать жизнь и переделывать ее, которые становятся верными друзьями во всей нашей деятельности.

Возьмите литературу: вот, кажется, еще только что вы по складам овладевали родной речью, а сейчас зачитываетесь множеством замечательных книг. И никогда в жизни не расстанетесь вы со своими любимыми писателями и их героями, и никогда не разлюбите их. Ведь одни из них воспитали в вас любовь к Родине, к родной природе. Другие помогли вам стать мужественными и бесстрашными, честными и благородными. Третьи научили понимать толк в хорошей шутке, быть веселыми и остроумными, никогда не унывать.

Ну, а музыка, живопись, театр, кино, архитектура? Все эти искусства тоже могут каждому из вас дать очень много радости и очень помочь в вашей жизни.

Для того чтобы знать, понимать и ценить литературу, вы не становитесь писателями, литераторами, правда? Точно так же, чтобы знать, понимать и ценить, скажем, музыку или живопись, не надо быть ни музыкантом, ни художником. Это вполне доступно каждому человеку, какой бы профессией он ни овладевал, в какой бы области жизни ни работал.

Вот поговорим немного о музыке — мы ведь с вами в музыкальном клубе сейчас ведем беседу.

Музыка входит в нашу жизнь буквально с первых же дней. Нам трудно вспомнить первую прочитанную в жизни книжку, но, вероятно, еще труднее припомнить первую спетую нами песенку. Много ярких воспоминаний оставляет музыка в нашей жизни с самых ранних детских лет.

По собственному опыту я готов утверждать, что в памяти каждого мальчишки живут воспоминания о яркой, радостной меди духовых оркестров, проходивших во главе воинских колонн на улицах, на парадах. А впервые в жизни услышанное хоровое пение, когда, словно догоняя друг друга и соревнуясь в красоте звучания, поочередно вступают то низкие басы, то сочные альты, то звонкие сопрано! А первый раз в концертном зале на исполнении полнозвучной симфонической музыки! Или еще больше — в оперном театре! Какая сила, какое сказочное волшебство заключено в стройно организованном спектакле, где на фоне специально созданных живописных декораций, подчиняясь всемогущей дирижерской палочке, действуют и поют — то поочередно, то сливаясь в единое целое — солисты и хор, играет оркестр, танцует балет!

В детстве музыка воспринимается очень живо и ярко, и если не отворачиваться от нее, никогда не забывать о ней, она войдет в жизнь так же прочно, как книга, и так же трудно будет жить без нее, как и без книги.

В самом раннем детстве наши музыкальные интересы ограничиваются преимущественно песенками, которые нам нетрудно петь, танцевальной музыкой, под которую нам легко танцуется. И в нашем сознании рядом с солнечной песенкой И. Дунаевского «О веселом ветре» навсегда остается его же изящная полочка из кинофильма «Кубанские казаки». Рядом с пионерскими песнями «Взвейтесь кострами, синие ночи» С. Дешкина и «Мы советской страны пионеры» Зары Левиной — популярные танцевальные и маршевые мелодии, в том числе мелодии многих народных танцев.

Незаметно в музыкальный быт ребят входят и несложные образцы классической музыки — «Неаполитанская песенка» и «Танец маленьких лебедей» Чайковского, «Сурок» Бетховена, «Турецкое рондо» Моцарта, «Песня Сольвейг» Грига, Венгерские танцы Брамса и многие другие столь же любимые пьесы великих композиторов прошлого. А многие ребята уже в раннем возрасте знают и любят увлекательную симфоническую сказку Сергея Прокофьева «Петя и волк» и другие сочинения, написанные для юных любителей музыки советскими композиторами.

Постепенно начинается знакомство с операми, балетами, с сочинениями для хора, для разных сольных инструментов и для симфонического оркестра. В наше время большую помощь в ознакомлении с музыкой оказывает радио. Начиная с передач, рассчитанных на самых маленьких слушателей, радио дает возможность постепенно войти в увлекательный мир большой музыки во всем его богатстве и разнообразии.

Сейчас среди школьников, особенно старших классов, заметно возрос интерес к настоящей, хорошей музыке. Я мог бы привести в пример «Школьное общество любителей симфонической музыки», созданное несколько лет назад по инициативе учителя биологии Д. Э. Баумана в 34-й средней школе г. Хабаровска. Участники этого общества, среди которых, кажется, никто не собирается стать музыкантом-профессионалом, аккуратно посещают все симфонические концерты, предварительно знакомясь по грамзаписи с произведениями, включенными в программу очередного концерта, а потом обсуждают свои впечатления. Общество устраивает в школе лекции-концерты, пользуясь большим количеством накопленных грамофонных пластинок и книг по музыке. Свой опыт общество это распространяет уже и на другие, не только хабаровские школы.

Вот в каждой школе могло бы быть такое общество! Ведь таких же любителей музыки можно сейчас встретить во многих городах, во многих школах. И каждый из них скажет вам те же слова, какие ученица 10-го класса челябинской средней школы № 56 Юлия Василенко написала Д. Э. Бауману, прося его помочь организовать в Челябинске такое же общество, какое он организовал у себя в школе: «Я не представляю сейчас своей жизни без музыки так же, как и без книг, как без друзей».

Да! То, что искусство обязательно должно входить во внутренний, в духовный мир каждого человека, что без искусства жизнь недостаточно полна и содержательна, начинают понимать все больше и больше людей.

Так не теряйте же золотого времени, друзья! Устанавливайте и закрепляйте свою дружбу с искусством сейчас, пока вы еще юны и так вос-

приимчивы ко всему новому. Не запасетесь «духовным багажом» вовремя, трудно будет вам в пути. Жизнь ваша будет бедной и неинтересной, отставать от товарищей начнете и уж наверняка ни новых дорог проложить не сумеете, ни новых, неизведанных областей открыть.

Конечно, искусство не сказочная украинская галушка: само скакать в рот не будет. Для того чтобы в мир искусства войти основательно, с намерением не покидать его всю жизнь, надо кое-какое время потратить и силы приложить. Надо и книги соответствующие почитать, и на концерт или художественную выставку пойти. А если говорить о музыке, так и нотную грамоту надо выучить, чтобы самому уметь по нотам прочитывать музыку, как мы книги читаем.

Но все это, во-первых, не так сложно, если заниматься хотя бы и не помногу, но систематически, а во-вторых, радость и удовлетворение, которые вы испытаете после первого же успешного соприкосновения с миром большого искусства, столь велики, что с лихвой окупят все ваши затраты — и времени и сил.

Так не бойтесь же никаких трудностей! Смелее собирайтесь в свой жизненный путь. Не забывайте, что путь этот ведет вас в новое коммунистическое общество, граждане которого по культуре своей, по богатству своего духовного мира должны быть настоящими, большими людьми!

Желаю вам удачи и счастья!

В добрый путь, друзья!

СЛАВНЫЙ РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ

АНДРЕЙ
СИЗОВ

«Прохожий! Здесь лежит
Хандошкин, наш Орфей.
Дивиться нечему — у смерти
нет ушей».

(Из старой газеты)

Зимний вечер 1782 года. В одном из дворцов Санкт-Петербурга идет придворный концерт. В зале собрались вельможи и придворные в шелковых и бархатных кафтанах, дамы в пышных платьях и драгоценных украшениях. Сама императрица Екатерина II присутствует здесь с князем Потемкиным и другими приближенными.

На эстраду вышел красивый среднего роста мужчина в темном при-

дворном кафтане и белом парике, со скрипкой в руках. Прижав инструмент к плечу, он заиграл на скрипке соло — без всякого сопровождения. Из-под его короткого смычка полились блестящие вариации. Скрипка звучала сердечно, мягко и, казалось, пела задумчивую русскую мелодию.

Все слушали как завороженные, но особенно восторженное выражение лица было у одного из присутствующих. К нему наклонился другой и с интересом спросил по-немецки:

— Откуда к вам прибыл этот прекрасный музыкант? Наверно, итальянец?

— О нет, мейн герр! Вы — приезжий и не знаете нашу гордость, нашего знаменитого русского скрипача. Это Иван Евстафьевич Хандошкин, камер-музыкант двора ее величества.

— Русский? Это великолепно! Но скрипка у него, конечно, итальянская — Страдивариус или Амати?

— Нет! Скорее можно сказать «Бати». Сегодня он играет на скрипке работы русского мастера Ивана Батова. И соната, прельстившая вас, его собственного сочинения, так же, впрочем, как и все другие.

— О-о! Удивительно! — протянул немец.

— Ничего удивительного, мейн герр. У нас много хороших скрипачей: Логинов, Сыромятников, ученик Хандошкина Яблочкин и другие.

— Ну, этот Хандошкин затмит и Виотти.

Раздались аплодисменты. К скрипачу присоединился виолончелист. Зазвучала русская песня «При долинушке». Сначала задумчивая, протяжная, вскоре и она заблестела искрометными вариациями. За ней другая песня — «Как пониже было города Саратова», потом третья, которую Хандошкин сыграл опять соло и притом на одной струне (как много лет спустя будет играть прославленный итальянский виртуоз

Паганини). Одетые в богатый музыкальный наряд, песни не теряли своей народной простоты.

Музыканты кончили, раскланялись и ушли под аплодисменты. Слушатели стали оживленно обсуждать концерт.

— Хандошкина вариации, — слышалось в зале, — ласкают и нежат, словно бархатный воротник...

— Да! Среди наших скрипачей он отменно талантливейший. Это наш первый сочинитель и игрок русских песен.

Прошло два года. За это время был закончен в столице новый Каменный императорский театр, позднее называвшийся Мариинским. На сцене идет репетиция балета под руководством балетмейстера Анджолини. Повинуясь дирижерской палочке, под звуки оркестра, на сцене легко танцуют балерины. А за дирижерским пультом мы опять видим Хандошкина. Сам же он и сочинил музыку этого балета.

Тяжелый и долгий путь прошел Иван Евстафьевич, сын крепостного крестьянина, до камер-юнкера — музыканта и дирижера.

...1757 год. Небольшая русская деревушка. За рекой заходит солнце. У околицы деревни собралась молодежь поплясать под лихие звуки балалайки. Взрослые парни с увлечением танцуют, а играет им десятилетний большеглазый крепыш — любимец деревни Ванюшка — и так

разделявает «Выйду ль я на реченьку», что ноги сами просятся в пляс.

— Ой, жги, жги! — приговаривают парни.

А в длинные зимние вечера, как соберутся девки на вечернице, парни приводят деревенского скрипача с трехструнной «скрипичей». А уж если бывали свадьбы, то без скрипача, а иногда и двух, дело не обошлось. Ваня и тут не зевал и как-то незаметно выучился играть и на скрипке. Народные скрипачи были его первыми учителями.

Когда отец его, Евстафий Антошкин, был взят в придворный оркестр литавристом, Ване очень не хотелось уезжать из деревни, но в столице ждала его новая жизнь.

Однажды директор императорских театров Лев Нарышкин проходил мимо помещения оркестрантов и услышал трели балалайки.

— Бесподобно! Кто же это может так играть у меня? — подумал он и вошел в комнату.

Увидев двенадцатилетнего мальчугана, Нарышкин тотчас оценил его музыкальность.

— Ты чей? — спросил он.

— Антошкины мы...

— А, литавриста сын! А ну, малец, идем со мной.

Войдя в репетиционную оркестра, Нарышкин обратился к дирижеру Тито Порто.

— Пожалуйста, маэстро, прослушайте этого паренька.

Тито Порто поморщился, неохотно прослушал Ванюшкины вариации и поджал губы.

— Неплохо, но это всего лишь балалайка.

— А на скрипке можешь соответствовать? — спросил Нарышкин.

— М-м-могу... — оробел Ванюшка.

— А ну-ка!

Тито Порто подал ему скрипку.

— Малость велика. Разрешите свою принцессу...

— Беги, да живо!..

Сам не свой от страха и волнения, Ваня взмахнул смычком, но как только заиграл песню, забыл обо всем и начал импровизировать.

Морщины на лице Тито Порто разгладились, потом он широко улыбнулся и положил руку на плечо Ивана.

— Корошо! Будешь учиться у меня при мой оркестр.

У Тито Порто Ваня усвоил всю премудрость итальянской скрипичной техники игры и далеко превзошел учителя.

До нас дошли ноты — «Шесть Российских песен для двух скрипок с вариациями сочинения господина Хандошкина». Сохранился рукописный сборник 18 песен; скрипичные сонаты для скрипки соло. Иногда Хандошкин перестраивал скрипку, как делают это народные скрипачи. В концертных афишах это называли «игрой на расстроенной скрипиче». Часто его видели не только на при-

дворных концертах, но и на народных гуляньях.

Хандошкин виртуозно владел всеми известными в его время струнными и щипковыми инструментами: скрипкой, альтом, балалайкой, семиструнной гитарой. Он был любимцем всеильного временщика князя Потемкина и Нарышкина, которых приводил в восторг своей игрой на балалайке. Она была у него особенная: сделана из тыквы-горлянки, изнутри проклеенной порошком битого хру-

сталя, отчего звук ее получался чистый, серебряный.

Только фамилия Вани при дворе показалась неблагозвучной. И стал Антошкин на немецкий лад Хандошкиным («ханд» — по-немецки «рука»). В то время русских музыкантов не очень жаловали.

Исполнительское мастерство Хандошкина осталось непревзойденным, и мы помним о нем спустя более чем 150 лет со дня смерти (1804 год).

Слава Хандошкина перешла границы России, и его сочинения печатались даже в Амстердаме. Он был одним из видных композиторов доглинкинской эпохи. Хандошкин лучше других развил сольную инструментальную музыку, тогда как другие развивали оркестровую и оперную. Он первый из русских композиторов написал концерт для альта.

Любимейший артист и композитор своего времени, он в 1785 году в расцвете своих творческих сил был неожиданно уволен из оркестра, где 20 лет со славой дирижировал и преподавал.

Композиторское творчество Хандошкина связано с народными песнями. Это был «играющий на скрипке композитор», поэтому в его произведениях использованы все приемы виртуозной игры. Он как бы вышивал затейливые узоры на канве русских песен.

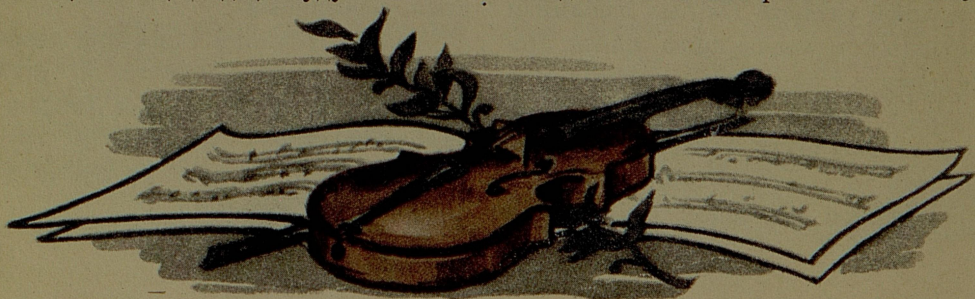
Он был большой мастер импровизации. Однажды, будучи в го-

стях у друзей, он в первом часу ночи, по просьбе своего аккомпаниатора, схватил скрипку и сразу сыграл 16 вариаций. Легкость импровизации привела к тому, что многие из его произведений остались незаписанными, а те, которые были записаны, не напечатаны. Не сохранились ни его симфонии, ни музыка для балета. Но современники их слышали.

Хандошкин был передовым человеком своего времени не только в музыке. Он написал сонату «На смерть Мировича», посвященную памяти бунтовщика, пытавшегося совершить государственный переворот.

В пожелтевшей газете «Северный вестник» за 1804 год мы можем прочесть: «В прошедшем месяце умер славный российский музыкант Хандошкин».

Долгие годы уделом его было забвение. Даже биографии этого музыканта из народа его современники не позаботились составить. Лишь советские музыковеды с трудом восстановили некоторые факты из его жизни, напечатали произведения Хандошкина и воскресили его славу.

А. Руссовский

У ВЛАСТИ ОРЛИНОЙ ОРЛЯТ МИЛЛИОНЫ...

В городе металлургов и тракторостроителей Челябинске есть памятник. На высоком пьедестале из уральских камней стоит юноша в армейской шапке и длиннополой кавалерийской шинели. Руки его за спиной связаны веревкой, но он гордо поднял голову, взгляд устремлен вперед, весь облик выражает мужество и непреклонность, бесстрашие и презрение к смерти. На постаменте выбито—«Орленок». Это гранитный памятник герою песни, которую пронесли в своих сердцах несколько поколений советской молодежи.

Вот почему и жарким летом, и суровой уральской зимой у подножья памятника лежат живые цветы. Вот почему здесь часто собираются рабочие, студенты и комсомольцы города. И тут же, у памятника, раздаются торжественные слова пионерской клятвы...

А затем над притихшей площадью звучит песня:

Орленок, орленок, гремучей гранатой
От сопки врагов отмело,
Меня называли орленком в отряде,
Враги называют орлом...

Как родилась эта песня? Какова ее история, ее судьба?

В 1936 году московский театр МОСПС (теперь театр имени Моссовета) готовил новый спектакль «Хлопчик». Это была пьеса о гражданской войне

и той бесстрашной молодежи, которая, еще только начиная жить, уже становилась участником великих революционных событий. Юный герой пьесы, попав в плен к белогвардейцам, в тюрьме сочиняет песню о самом себе, об «орленке», которому суждено умереть «в шестнадцать мальчишеских лет»...

Композитор Виктор Белый и поэт Яков Шведов, написавшие для театра эту песню, не могли предположить, что ее ждет такая широкая популярность.

Уже выходя из зала после спектакля, зрители напевали запомнившуюся им мелодию, повторяли слова. «Орленок» сразу же завоевал сердца молодежи, он стремительно вылетел за стены театра, и вскоре его запели миллионы людей. Пели его метростроевцы столицы, прокладывающие первые подземные пути, и пограничники Дальнего Востока, пели его строители сибирских городов и рыбаки Каспия. Песня пересекла границы и зазвучала в далекой Испании на позициях героической Интернациональной бригады и среди революционеров Китая, быстрокрылой птицей перелетела океан и зазвенела над рабочими колоннами Нью-Йорка на перелетной стачке 1937 года...

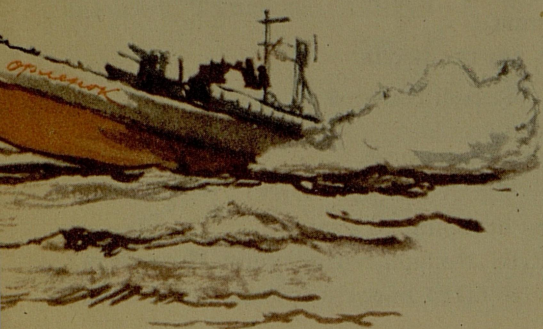
Летом 1936 года «Орленка» впервые услышал по радио Николай Островский. «Мне очень нравится песня «Орленок». Наша песня, комсомольская, только очень обидно, что она появилась так поздно. Появись она раньше, в те годы,— она помогла бы нам воспитывать бойцов.

Спасибо. Ваш Н. Островский»,— писал он авторам песни.

Теперь «Орленку» уже больше четверти века! Но замечательная песня не забылась и не состарилась...

— Когда мне Виктор Белый,— рассказывает поэт Яков Захарович Шведов,— предложил написать слова для песни, я вспомнил друга моей юности, комсомольца, бойца и поэта Герасима Фейгина. В двадцать лет

Герасим был уже секретарем Владимирского губкома комсомола. Я, четырнадцатилетний комсомолец, и мои товарищи были в то время бойцами частей особого назначения — чонавцами, как называли нас тогда. Песня и винтовка были нашими самыми близкими друзьями... Все мы с увлечением распевали песни Фейгина,

пусть не очень совершенные, но полные настоящей революционной романтики. Особенно запомнились строки его последней песни:

Мы пойдем без страха,
Мы пойдем без дрожи
В бой последний,
Страшный, смертный бой.

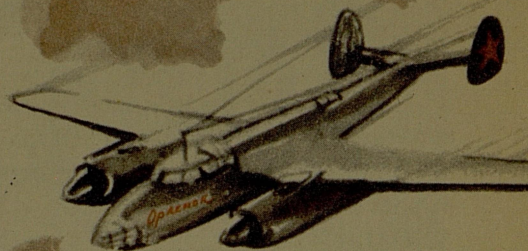
И действительно, «без страха и без дрожи» пошел Герасим в свой последний бой. Он погиб при подавлении Кронштадтского мятежа. И когда я писал «Орленка», перед моими глазами стоял мужественный образ моего погибшего друга...

...1941 год. С новой силой зазвучала песня в годы Отечественной войны. Сбылись слова Николая Островского: «Орленок» стал воспитателем бойцов. Любимую песню пели на партизанских привалах, в холодных окопах, в кубриках боевых кораблей, слышали ее белорусские леса и деревни Смоленщины, вспоминали в осажденном Ленинграде и вполголоса пели подпольщики Одессы...

«Орленок» — появились надписи на фюзеляжах боевых самолетов и на броне танков, «Орленок» — и торпедный катер, названный этим гордым именем, бесстрашно шел в атаку на немецкий миноносец, «Орленок» — и шестнадцатилетний комсомолец-разведчик Попов-Печер, ласково прозванный так бойцами героической дивизии генерала Родимцева, из глубокого вражеского тыла сумел доставить офицерскую папку с важными оперативными документами. «Орленок» — это слово стало символом храбрости, мужества и героизма.

В письме к композитору Виктору Аркадьевичу Белому бывший комиссар белорусского партизанского отряда Алексей Георгиевич Богунов рассказал:

«Разведчицей отряда была у нас комсомолка Шура Анисимова. Зимой 1942 года, во время выполнения задания, Шура попала в руки врагов. Они приказали ей вести карательный отряд к деревне Плотавец. Разведчица знала, где находятся у партизан пулеметные точки и привела кара-

телей прямо на них. Когда обоз немцев подошел совсем близко, отважная девушка во весь голос запела:

...Орленок, орленок,
Валети выше солнца!..

Партизаны узнали голос своей разведчицы, еще ближе подпустили карателей и уничтожили их. Шура Анисимова была спасена.

А в другом партизанском отряде, действующем на Украине, песня «Орленок» была паролем.

В 1943 году «Орленок» стал последней песней московского артиста Александра Окаемова — одного из первых ее исполнителей. В грозный 1941 год Окаемов вступил в народное ополчение; однажды, после концерта на передовой, завязался бой и раненый певец попал в плен. Мысль о побеге не оставляла патриота, и он согласился «работать» в местной управе. Через некоторое время ему и его товарищам удалось связаться с подпольной организацией. Окаемов принимал участие в печатании листовок, распространял их по заданию подпольного райкома, записывал сводки Информбюро, а назавтра их знали сотни жителей оккупированного города. Однажды во время очередной записи в хату ворвались гитлеровские офицеры. На рассвете Окаемов и его товарищ Геннадий Лузенин были выведены на расстрел. И уже когда смерть смотрела в лицо, перед стволами автоматов, Александр Окаемов собрал последние силы и запел любимую песню...

...Окончилась война, но песня, посвященная орлиному племени героев, продолжает жить. Она звенит над покоренной целиной бескрайних казахстанских степей, над новостройками Большой Москвы и на далеком Севере, поют эту песню наши героические друзья на Кубе...

Разве может состариться песня, посвященная крылатой молодости?! Разве может забыться песня, в которой поется о беспримерных подвигах советской молодежи — замечательного племени орлят?!

Орленок, орленок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена,
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна...

Воин и охотник,
 шел он лугом
 Над речной стремящей быстринной
 Шел один,
 вооруженный луком,
 Деревянным луком и стрелой.
 В племени своем охотник первый
 Слушал он уже не раз,
 не два,
 Как, стрелу выбрасывая,
 цела,
 Пела,
 замирая,
 тетива.
 Но сегодня вдруг отдернул руку,
 Изумленный этим лишь сейчас,
 И, желая продолженья звука,
 Тетиву он тронул
 еще раз.
 Звук был тихий,
 робкий,
 осторожный...

444848-2

Российская государственная
 детская библиотека

ДЕТСКАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 № 98

Октябрьского района
 г. Москвы

Позабыв ушедшую стрелу,
 Человек стоял,
 большой,
 тревожный,
 Тетиву понявший,
 как струну...

Стихотворение это называется «Лук и Лира». Написал его грузинский поэт А. Мирцхулава, а перевел Е. Евтушенко. Поэты рассказали об одном из самых прекрасных открытий человека — об открытии поющей струны. Отныне голос струны повиновался человеку — он пел тогда, когда человек хотел этого. И человек помог струне петь громче. Музыкальный лук он вставлял для резонанса в большой глиняный сосуд. До сих пор в Африке сохранились племена, играющие на музыкальном луке.

Подружившись со струной, человек решил помочь ей петь не только громче, но и разнообразнее. Одна струна — только один звук, две струны — два звука, а много струн — много разных звуков. Так родились лира, арфа.

Звук из этих струн извлекался щипком, и был он все-таки негромким и недолгим. А человек хотел подчинить себе струну так, чтобы она звучала певуче, как его голос. Долго человек приручал струну... Подложил под струны деревянный, полый внутри ящичек с длинной шейкой — струны, резонируя, запели громче. К деревянной трости прикрепил конские волосы — родился смычок. Смычок, тронув струны, придал им особую протяжную повучесть. Зазвучал голос скрипки...

Это в книжке все быстро происходит, а в жизни от открытия к открытию вели столетия. Исследователи думают, что родиной предков скрипки была Индия. На Востоке остов инструмента делали из тутового дерева, кокосовых орехов, высушенных больших плодов; любовно обтягивали корпус змеиной кожей, украшали перламутровой инкрустацией.

В Европе пробовали делать скрипки трех-, четырехугольные. Во Франции старинную скрипку называли «жиго», потому что по форме она напоминала бараний окорок. На Руси любимый инструмент скоморохов назывался «гудок», и был он тоже струнным смычковым предком скрипки.

Первые настоящие скрипки были сделаны в XVI—XVII веках в Северной Италии. Город Кремона дал миру самых прославленных мастеров скрипки: Амати, Гварнери, Страдивариуса. Старые мастера были поэтами своего дела. Для разных частей скрипки требовались разные древесные породы: клен, сосна, эбеновое дерево. Дерево сушили, вымачивали в специальных составах, покрывали лаками — оно само должно было быть певучим. Иногда, отпуская скрипку к людям, мастер оставлял на корпусе ее надпись:

«Я жил когда-то в лесах,
При жизни молчал,
Но теперь, после смерти, пою».

Каждая скрипка — плод раздумий, поисков и вдохновенного труда мастера — отдавала людям свою певучую душу. И люди полюбили скрипку больше других инструментов: «Она в музыке является столь же необходимым инструментом, как в человеческом бытии хлеб насущный», — говорит чешский кантор Ян Рыбá.

В XIX веке вокруг гениального итальянского скрипача Никколо Паганини и его скрипки создавались легенды: говорили, что Паганини продал душу дьяволу, потому так могуч и разнообразен голос его инструмента; что в маленьком тельце скрипки заключена душа женщины, поэтому так поет она.

Скрипки старых мастеров сейчас поют под пальцами самых прославленных музыкантов мира. В Советской стране государство дает их лучшим исполнителям как награду. И живут, сверкают голоса

скрипок, вызванные к жизни Д. Ойстрахом, Л. Коганом и другими замечательными скрипачами.

Скрипка стала ведущим инструментом симфонического оркестра. Вместе со своими ближайшими родственниками: альтами, виолончелями и контрабасами — скрипки образовали группу смычковых струнных инструментов. Музыканты, играющие на этих инструментах, сидят в симфоническом оркестре ближе всего к публике — прямо перед дирижером; контрабасисты же, так как инструменты их очень велики, играют стоя.

Прислушайтесь к звучанию оркестра, хотя бы по радио. Самые певучие, самые трепетные и волнующие мелодии композиторы отдают скрипкам. Скрипачей в оркестре от 20 до 40 человек. Голос скрипок звучат ярко, убежденно. Пением скрипок начинается «Вальс-фантазия» Глинки и вступление к опере Чайковского «Евгений Онегин». Мечтательный и нежный голос скрипки звучит в Адажио из балета Чайковского «Лебединое озеро»; настойчивым и волевым становится ее звук в главной теме 1-й части «Богатырской симфонии» Бородина и в «Танце Анитры» Грига — серебристо-звонким. Очень много красок у скрипичного звука, много различных приемов игры на скрипке. Звуки могут звучать протяжно и отрывисто — «легато» и «стаккатто», как говорят музыканты; можно извлекать звуки пиццикато — «пиццикато», можно заставлять звук особенно трепетать — «вибрато»; на скрипке можно исполнить не только одноголосную, но и двухголосную мелодию и брать отдельные аккорды. Скрипичные звуки могут следовать медленно друг за другом, а могут и мчаться с неуловимой быстротой; звук может быть то грудным, низким, глубоким, то жеественно певучим, то очень высоким и звонким.

Тонкого мастерства требует от музыканта этот инструмент, и в руках виртуоза скрипка оправдывает данное ей человеком имя — «царица звуков».

Рядом со скрипачами в оркестре сидят альтисты. Альт несколько больше скрипки по размерам, голос его звучит немного ниже, мягко и глуховато. Чаще всего альтам поручают партии средних голосов, но иногда они играют и ведущие темы, как например наигрыш в симфонической картине Мусоргского «Рассвет на Москве-реке».

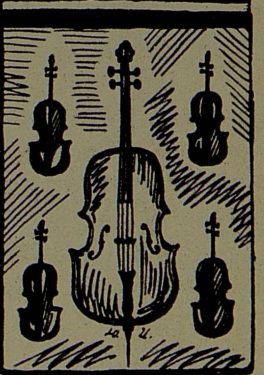
Однажды мальчик Горький услышал вечером доносившийся из чужого окна удивительный голос: «Как будто кто-то большой и добрый пел с закрытым ртом». Это было так необычно, что Алеша, забыв, зачем его послали хозяева, остался слушать чудесное пение неведомого инструмента. Дома его били за ослушание, но чудесный голос — это была виолончель — остался в памяти на всю жизнь.

И в оркестре большая виолончель (она уже настолько велика, что ее не прижмешь к подбородку, как скрипку и альт, — на ней играют сидя на стуле и ставят ее на пол) исполняет и мужественные и певучие темы, как например необычайной красоты тема любви Ромео и Джульетты из увертюры-фантазии Чайковского.

Но самым большим из группы струнных смычковых инструментов является контрабас. Несколько неуклюжие низкие звуки его чудесным образом имитируют танец слонов в «Карнавале животных» Сен-Санса, но чаще всего глубочайшие басы контрабаса служат опорой для всего оркестра.

Как-то, лет триста тому назад, оркестры состояли почти исключительно из струнных инструментов. Постепенно краски оркестра обогащались — в его звучание вливались новые голоса.

Скрипки, альты, виолончели и контрабасы, родившиеся из древней трепещущей и поющей тетивы лука, пройдя вместе с человеком долгий путь развития, составили основу симфонического оркестра. О других же голосах оркестра и об их судьбах мы расскажем вам в следующий раз.

В. Кведна

ПАРИЖСКИЕ ВСТРЕЧИ

Знаменитому немецкому композитору Роберту Шуману было около двадцати пяти лет, когда он написал свое замечательное произведение для фортепиано «Карнавал». В небольших музыкальных картинах он блестяще изобразил шумный маскарадный праздник. Перед слушателем как бы проносятся вереница масок: Пьеро, Арлекин, Коломбина, Пантофоне. Образы, созданные фантазией композитора, сменяются музыкальными портретами его современников — живых людей, знакомых и близких ему. У каждого свой характер. Лется нежная грустная мелодия — это Шопен, перед которым преклонялся Шуман. Слышатся

беспокойные звуки скрипки — это гениальный Паганини. Вот двое юношей — мягкий задумчивый Эвзебий и пылкий порывистый Флорестан — это сам Шуман, вернее две стороны его души. Звучит чей-то глубокий, сдержанный, но очень взволнованный голос. А это Кларина — Клара Вик, шестнадцатилетняя девочка, ставшая впоследствии женою Шумана, преданным другом всей его жизни!

Еще много прекрасных страниц своего творчества композитор посвятил Кларе. Она была талантливейшей пианисткой, первой исполнительницей произведений Шумана.

Музыкальное дарование Клары Вик пробудилось очень рано. Ей было всего пять лет, когда она начал

учиться игре на фортепиано у своего отца, выдающегося музыканта-педагога Фридриха Вика. У него же одно время брал уроки и юный Шуман. Девять лет Клара дала публичный концерт в своем родном городе Лейпциге, а через два года поехала в концертную поездку по Европе.

О Кларе Вик немало писали. Совсем недавно в Германской Демократической Республике вышла книга немецкого писателя Вернера Кведнау «Клара Шуман». О том, как Фридрих Вик со своей тринадцатилетней дочерью приехал в Париж, рассказывается в главе «Парижские встречи».

— Ах, боже мой, папа, что это за город! — закричала в испуге Клара, высунувшись из окна гостиницы на улице де Бержер.

По улице с пеньем «Марсельезы» двигалась нищая, оборванная толпа.

Париж 1832 года!

Еще не смолкли отголоски революционной бури июльских дней 1830 года: в столице мира все волновалось и кипело. Республиканцы, сражавшиеся на баррикадах и свергнувшие французского короля Карла X, были преданы. Буржуазия обманом и хитростью возвела на трон своего ставленника — Луи-Филиппа, герцога Орлеанского. Народ по-прежнему оставался во власти нищеты и бесправия. Доведенные до отчаяния, голодные, в отряпых, бедняки выходили на улицы Парижа и требовали хлеба и свободы.

Париж в ту пору по праву слыл столицей мира: призыв к свободе, доносившийся оттуда, находил отклик во всех европейских странах. Париж был также и центром ис-

кусств. Не только политические страсти бушевали в этом городе — он был ареной борьбы различных художественных направлений. Со всех сторон стекались в Париж музыканты: нельзя было получить признания, не побывав в Париже.

Итак, в Париже было полным-полно музыкантов — композиторов и исполнителей, и больших и малых, — и скольких из них терзала неутоленная жажда славы!..

Фридрих Вик не мог раньше и представить себе, каким затерянным он будет в Париже среди такого множества музыкальных знаменитостей. Выдержит ли Клара здесь испытание? Двух провинциалов, приехавших из «Лейпсика», пока не дарили особым вниманием. «Лейпсик?.. А где он, собственно, находится?» — с недоумением спрашивали у Вика на музыкальных вечерах, куда он привозил свою дочь, чтобы познакомиться ее с выдающимися музыкантами и дать ей возможность показать свое искусство пианистки. Ведь до тех пор, пока кто-нибудь из маститых не отметит Клару, ей нечего и мечтать о самостоятельном концерте в Париже. Разве кому-нибудь было до нее дело?

— Да, это препротивный город, — ворчит папаша Вик, с трудом натягивая узкие панталоны. Они так туго облегают икры, что ему кажется, будто он влез в жесткую шкурку от колбасы.

— Честное слово, здесь превращаешься в обезьяну, — сердито бормочет он, надевая синий фрак с желтыми пуговицами. Потом Фридрих Вик становится перед зеркалом и, насупившись, разглядывает себя.

— Я похож на расфуфыренную

цирковую лошадь, — брызжит он, повязывая шею белым платком.

— Папа, в Париже все мужчины так одеты, — возражает Клара.

— Тем хуже для них. Эта бабья мода придает мужчинам шутовской вид. Впрочем, здесь все так же легкомысленно, как и эта мода. Где уж тут встретить глубокое, серьезное понимание искусства! А как ничтожны эти музыкальные вечера и так называемые «сливки общества», которые туда съезжаются! Гм, вернее было бы сказать «прокисшие сливки», — и папаша Вик презрительно кривит губы. — Они понимают в музыке не больше, чем жабы, квакающие в болоте. И все же их мнение решает все. К сожалению, это так.

— Папа, но сегодня мы пригла-

шены к господину Калькбреннеру. Мы услышим Шопена, Мендельсона, Листа. Я себя не помню от радости, — говорит Клара.

— Сегодня вечером, дитя мое, мы здесь впервые будем наслаждаться музыкой. И для тебя я тоже кое-чего ожидаю!

Час спустя отец и дочь уже поднимались по устланной ковром лестнице в квартиру Калькбреннера. В трех залах собралось около четырехсот человек — весь цвет музыкального мира Парижа.

— Месье и мадемуазель Вик! — доложил слуга. Папаша Вик начал судорожно припоминать подходящие французские слова, чтобы вежливо приветствовать хозяина, но тот, поспешив к новым гостям, обратился к ним по-немецки.

— Вы меня избавили от ужасного труда, со вздохом облегчения сказал Вик. — С моим французским языком тут далеко не уедешь. Я от души рад, что могу объясниться так, как привык к этому дому.

— Чувствуйте себя, как дома, милейший господин Вик, — с улыбкой ответил Калькбреннер.

Прошло много лет с тех пор, как Фридрих Калькбреннер покинул родной город Кассель в Германии и переехал в Париж. Известный композитор и превосходный пианист-виртуоз, он вместе с компаньоном основал в Париже фортепианную фабрику, что приносило ему гораздо больше дохода, чем можно было бы ждать от неверной судьбы разъезжающего музыканта.

С низким поклоном Калькбрен-

нер пригласил отца и дочь следовать за ним и, пройдя мимо длинных рядов столов, за которыми уже начали рассаживаться, подвел их к своей жене. Она сидела у камина и обмахивалась голубым веером.

— Ma chère¹, это месье Вик и мадемуазель Клара, — представил гостей композитор.

— Ах, это и есть чудо-ребенок? — зашебетала госпожа Калькбреннер и, наведя лорнет на Клару, начала ее бесцеремонно рассматривать. — Вы мне нравитесь, мадемуазель. Как жаль, что ваш музыкальный талант заглухнет в Германии!

— Он не заглухнет, сударыня. Ведь дочь мою руковожу я, — резко возразил Вик.

¹ Моя дорогая (фр.).

— Извините меня, — вешался Калькбреннер, — но в Германии все играют на один лад: и Черни, и Чиблини, и Пиксис, и Гиллер — словом все, кто сюда приезжает оттуда.

— Прошу покорно считать меня исключением, — ответил Фридрих Вик. — Я сам заклятый враг этой системы. Я очень хорошо знаю игру Фильда и учу мою дочь и моих учеников играть в его манере.

— Ну, что же, посмотрим, — недоверчиво усмехнулся Калькбреннер; он поднял руку и указал на рояль, за которым сидел хрупкий на вид юноша.

— Шопен, — прошептал Калькбреннер. Разговоры стихли; все взоры устремились к молодому музыканту. Он слегка откинул назад темноволосую голову. Яркий свет люстры падал прямо на его тонкое бледное лицо, с которого сбежала улыбка, как только первые мягкие звуки рояля наполнили комнату. «Что за музыка! — подумал Фридрих Вик. — Сколько смелости и оригинальной мысли в этих переходах из одной тональности в другую, в этих блестящих пассажах, в чарующем сочетании романтической грусти с чисто славянскими ритмами!»

— Если бы я не знал, что он играет свое произведение, я был бы уверен, что это музыка Шумана, — тихо сказал отец Кларе, когда Шопен умолк, и ему стали горячо и долго аплодировать.

«Да, — пронеслось в голове у Клара, — если бы я закрыла глаза, я бы тоже подумала, что слушаю Шумана.»

— Это, конечно не для широкой публики, — продолжал Вик, — эти

пассажи необычайно своеобразны невероятно трудны и...

Неожиданное движение в зале прервало его на полуслове. Все поднялись с мест, и снова загремели рукоплескания. На этот раз они, очевидно, предназначались уже не Шопену; папаша Вик видел, как он тоже хлопал в ладоши, стоя камина рядом с госпожой Калькбреннер.

— Папа, смотри, Паганини! — задыхаясь, сказала Клара.

В зал вошел скрипач. Что-то действительно странное было в его лице.

— Добро пожаловать, маэстро добро пожаловать! — воскликнул Калькбреннер, быстро подходя к гостю и крепко пожимая ему руки. — Какую честь вы мне оказали посетив мой дом!

Паганини утробно улыбнулся и, приложив палец к губам, жестко попросил всех успокоиться. Мгновенно наступила тишина.

— Уважаемые дамы и господа, — произнес он тихо, так тихо, что с трудом можно было разобрать его слова, — я благодарю вас за аплодисменты. Простите, что не могу говорить громко, у меня болит горло. Сейчас в Париже сыро.

— А играть вы сможете, маэстро? — спросила госпожа Калькбреннер.

— Я приехал к вам на вечер сударыня, чтобы слушать, а не играть.

По рядам пронесся приглушенный шумок. Особенно огорчены были дамы. Они никак не могли примириться с тем, что такой музыкант не будет играть, и долго умоляли его

смилоствиться. В конце концов Паганини сдался и велел принести свою скрипку. Словно замороженные слушали гости причудливые, обжигающие, как адское пламя, проникающие в самую душу звуки. Когда стих последний вздох скрипки, все, потрясенные, молчали. Потом разразилась целая буря восхищения.

— Ах, какой это человек, какая скрипка, какой музыкант! Господи, сколько муки, тоски, страданий выражают эти четыре струны! — простонал за спиной у приезжих из Лейпцига юноша с длинными светлыми волосами, падающими ему на плечи, подобно лавиной гриве.

— Маэстро! — воскликнул он и подбежал к Паганини, на взволнованном лице которого еще отражалось внутреннее смятение, вызванное музыкой. — Маэстро, — повторил юноша. — Я должен поблагодарить вас от имени всех здесь присутствующих. Вы зажгли нас огнем восторга и воодушевили глубокими чувствами.

— Браво, Лист! — раздалось кругом.

Лист? Папаша Вик и Клара настояжились. Они так много слышали о его поразительной игре на рояле. После Паганини он был самым крупным музыкантом-виртуозом той поры.

Так же, как и Клара, Лист девяти лет впервые появился на концертной эстраде и — как она — возбудил всеобщее изумление. Его отец, управляющий именем венгерского князя, послал мальчика в Вену учиться у известного музыканта-педагога Карла Черни, ученика Бетховена. После года ревностных занятий Лист выступал уже перед венской публикой: чудо-ребенок имел огромный успех. Его заветною целью стала Парижская

консерватория. Мастерство его, однако, было уже так зрело, что он не нуждался в той последней шлифовке, какую дает законченное музыкальное образование. В короткое время Лист сделался признанным любимцем парижских светских салонов. Но он не сблизился со столичными «сливками общества». Девятнадцатилетний юноша был полон духа протеста. Когда в Париже вспыхнула Июльская революция, Лист написал «Революционную симфонию». Всеми своими помыслами он был с угнетенными, с обездоленными. Только народу хотел он посвятить свое искусство.

И вот Лист стоит рядом с Паганини; глаза у него горят. Музыка «чародея скрипки» зажгла в нем мечту

освободить и искусство игры на фортепиано от старых приемов.

— Grazie¹, синьор Лист, за добрые слова, — хрипловатым шепотом сказал Паганини, — но prego², синьор, займите место у рояля. Я хочу быть публикой и тоже хочу слушать.

Лист сел за рояль. Музыка, полная мощи и ослепительного блеска, тотчас же подчинила слушателей своей волшебной власти, как и «Каприсы» Паганини, только что здесь отзывавшиеся. Стремительное крещендо внезапно оборвалось, и наступила тишина. Точно охваченные ужасом, все на миг застыли.

Маленькая девочка из Лейпцига сидит в своем кресле, чуть дыша. Ее

¹ Благодарю (итал.).

² Прошу (итал.).

ошеломило все, что она услышала. На сердце у нее тяжело; ей страшно: а что если вдруг ее попросят играть. После Шопена, Паганини, Листа она не осмелится даже прикоснуться к клавишам. «Может быть они забудут обо мне», — только об этом и мечтает она. Больше всего на свете ей хочется потихоньку выскользнуть отсюда. Она ищет глазами отца, он где-то затерялся в сутолоке толпы, заполнившей зал.

— Добрый вечер, мадемуазель, — обращается к Кларе какой-то молодой человек. — Я слышал, что вы были у Гете в Веймаре и играли ему.

Неожиданно оторвавшись от своих мыслей, Клара с удивлением смотрит на юношу. Он садится возле нее на свободный стул.

— Вы играли ему Бетховена? Когда я был у Гете, он сперва даже слышать о нем не хотел. Все-таки я сыграл ему первую часть симфонии в до миноре. Она его необычайно задела. Сначала он сказал: «Это не волнует, а лишь поражает, это грандиозно». Да, мадемуазель, я в точности запомнил его слова. А потом он добавил: «Это величественно и совершенно безумно; можно испугаться — будто на тебя рушится дом. А что будет, если люди все вместе примутся это играть!» Гете сидел в темном углу, и, словно Юпитер, метал молнии своими старыми глазами, — засмеялся юноша.

«То же самое было, и когда я был у него», — мелькнуло в голове у Клары, и со все возрастающим удивлением она глядит на своего собеседника. Кто бы это мог быть?

— Однако Бах доставил ему большую радость, — продолжал незнакомец. — Я, как умел, тогда сыграл ему

увертюру ре мажор. Помните, мадемуазель, ту, что с трубами. И Гете сказал: «Вначале все так пышно и торжественно, и даже ясно видишь празднично одетую толпу, которая спускается с лестницы». О, редко кто умел так чувствовать музыку! А вот сыграйте как-нибудь в одном из парижских салонов, и вы пожалеете о потерянном времени. Нет, не стоит выступать перед этими напудренными господами с равнодушными физиономиями, мадемуазель. Когда я играл свою увертюру «Сон в летнюю ночь»...

— Теперь я знаю, кто вы, — перебила его Клара. — Феликс Мендельсон!

— Разве вы этого не знали? — спросил пораженный Мендельсон.

— Хотя я много о вас слышала, господин Мендельсон, я вас никогда не видела.

— Простите меня, мадемуазель, я вам не представился. Удивительно, как быстро начинаешь зазнаваться. Стоит лишь научиться немножко бренчать на фортепиано и кропать простенькие мелодии, как уже воображаешь, будто все на свете должны тебя знать. О вас, мадемуазель, я тоже слышал много лестного, но мне еще не довелось познакомиться с вашей игрой. Сегодня вечером мы вас послушаем, не правда ли?

— О нет! — и девочка отрицательно качает головой.

— Тогда извините, — говорит Феликс Мендельсон и делает легкий поклон.

Серьезный тон девочки, печальная тень, набежавшая на ее милое личико, — все это необычайно заинтересовало его.

— А я так радовался, что услы-

шу, как вы играете! — прибавляет он, дружелюбно улыбаясь.

Клара тихо вздыхает.

— Ах, господин Мендельсон, не сердитесь на меня, но я не могу. Я боюсь.

— Боитесь?..

— После всего, что я слышала здесь сегодня, у меня уже не хватит смелости, — и Клара печально поникает головой.

Мендельсон весело смеется.

— А, я понимаю! Но не надо огорчаться. Я никогда не думаю о том, какое произведу впечатление, и всегда играю и сочиняю так, как подсказывает мне сердце. Я стараюсь только искренне выразить то, что чувствую, и если мне удастся создать вещь, которая вылилась у меня из души, я считаю, что выполнил свой долг. А принесет ли мне это славу, почести, ордена, табакерки — меня это мало волнует.

Клара опускает голову еще ниже и задумчиво следит за своими пальцами, которые рассеянно теребят кружевной носовой платочек.

— Поверьте мне, мадемуазель, робость и смущение проходят, — и, желая подбодрить девочку, молодой музыкант жмет ей руку.

— О ля, ля, месье Мендельсон, что я вижу! — говорит госпожа Калькбреннер со своего места у камина, лукаво выглядывая из-за веера. — Уж не объясняйтесь ли вы малютке в любви?

— Не беспокойтесь, сударыня! — нахмурившись, ответил Мендельсон. Может быть, он сказал бы что-нибудь еще, но в это время приблизились Фридрих Вик и Паганини.

Маэстро наклонился к Кларе и

сказал ей тихим, чуть осипшим голосом:

— Как вы похорошели и выросли, синьорина! Нет, я бы не узнал вас, мой ангел!

Она поднимается и делает глубокий реверанс.

— Нет, нет, синьорина, ведь мы хорошие старые знакомые, — и Паганини, улыбаясь, быстро привлекает к себе раскрасневшуюся Клару и целует ей руку.

Послышались удивленные перешептывания. Со всех сторон с любопытством смотрят на прославленного музыканта и на девчушку с пылающим от смущения лицом, которую раньше никто не замечал.

— Хотелось бы знать, что нашел в этом жучке Паганини, почему он так ее выделяет? — завистливо переговариваются между собою дамы.

Мендельсон оглядывается и насмешливо говорит одной из них:

— Если бы вы, сударыня, умели так играть на фортепиано, как этот жучок, Паганини, наверное, поцеловал бы руку вам.

Все сразу умолкают. Никто не хочет пропустить ни слова из разговора маэстро и славной девочки-подростка из чужой страны.

— *La mia amica*¹, хотите выступить вместе со мной в концерте?

Клару этот вопрос так ошарашивает, что она, кажется, утратила дар речи. Она не может понять, почему именно к ней обращается Паганини, когда здесь так много знаменитых пианистов.

— Ну, скажите «да», мой ангел, — настойчиво просит Паганини, наклоняясь к ней. — Это будет заме-

чательный концерт. Я получу большое удовольствие.

Он протягивает ей руку. Клара стеснительно кладет на нее свою и еле слышно говорит: «Да».

Когда Клара возвращалась в карете в гостиницу и думала об этой минуте, она никак не могла припомнить, что же было потом. Переполненная счастьем, она села за рояль. Но кто подвел ее к роялю — Феликс Мендельсон, Паганини, отец — она не знает. Как бы там ни было, когда она кончила играть, ее оглушили аплодисменты. Очевидно, она отлично исполнила трио Бетховена ор. I, хоть ей и очень трудно было справиться с тугими клавишами кальбреннеровского рояля. Сколько силы ей пришлось потратить, чтобы заставить звучать инструмент. Вот только это ей и запомнилось: пальцы у нее и сейчас болят от напряжения. Утомленная, Клара прислонилась к мягким покачивающимся подушкам и трет себе пальцы.

— Папа, — громко спрашивает она, стараясь перекрыть шум колес, — если я в концерте с Паганини должна буду играть на таком же неподатливом рояле, я после второй части ослабею и не смогу пошевелинуть и мизинцем.

— Ты получишь самый лучший инструмент, какой только можно будет достать, — уверяет ее отец. Он словно опьянел от успеха дочери. О таком неожиданном финале сегодняшнего вечера он никогда и думать не смел. Клара и Паганини!.. — Ну, теперь перед тобой раскрылись все двери, дитя мое! — и довольная улыбка заиграла у него на лице.

Клара положила голову на спинку кареты и закрыла глаза. Равно-

¹ Мой дружок (итал.).

мерное покачивание убаюкивает ее.
— А мне тоже будут дарить табакерки? — спрашивает вдруг она, засыная.

— Табакерки? — Этот странный вопрос чрезвычайно озадачил Вика.

— Что это тебе пришло в голову?

— Так сказал господин Мендельсон, — зевая, отвечает девочка.

— Я ничего не понимаю. Объясни поточнее, дитя мое!

— Ох... Я слишком устала сейчас, так устала... — и слова замирают у нее на губах.

Папаша Вик тоже устал и так и

не добился вразумительного ответа от дочери. Те, которые он еще изредка получает, становятся все более сбивчивыми и под конец совсем загадочными. Он пытается разрешить загадку с табакеркой: С минуту он думает об этом, покачивая головой, но мысли его снова возвращаются к предстоящему концерту с маэстро...

Кларе Вик не довелось играть с Паганини: он тяжело заболел. Но чудесный вечер у Калькбреннера на всю жизнь остался у нее в памяти.

Перевела с немецкого М. Черкевич

Т. ЛЯГИНА

По Западной Африке

Путевые заметки

Смолк шум пропеллеров, и мы вышли из кабины самолета. В аэропорту далекого африканского города Конакри, столицы государства Гвинея.

Совсем недавно мы ежились от пронизывающего декабрьского ветра на Шереметьевском аэродроме в Москве. Затем осенняя сырость и холод Парижа. И вдруг... знойное голубое небо, солнце в зените, пышная зелень и масса цветов. Цветы невиданные — яркие, огромные. Знойный тропический воздух напоен их острыми

дурманившим голову ароматом. Не хотелось верить, что это действительно так.

Так начались наши гастроли по Западной Африке. Они прошли в семи молодых африканских государствах: в Гвинее, Либерии, Гане, Нигерии, Того, Дагомее и Мали и длились более двух с половиной месяцев.

Перед поездкой нас, артистов хора имени Пятницкого, очень беспокоило, как африканцы воспримут русскую народную песню. Поймут ли они ее? Оценят ли? Ведь искусство народов экваториальной Африки и моей Родины — Советской России — так непохоже.

Но вот и первый концерт. Нас встречают хорошо. Долгие аплодисменты, много цветов. Но может быть, это лишь дань советским артистам, не русской песне? Тревога и сомнения не покидали нас.

Утром, едва я успела проснуться, мне говорят, что в вестибюле ждет посетительница. Это оказалась молодая гвинейская артистка-любительница Салина Бангвиба. Она просит напеть ей полюболюбившуюся с концерта песню «Я на горку шла...»

Охотно помогла ей, записала слова.

После завтрака мы пошли на пляж и... что это? Немного путая слова, но строго выдерживая мелодию, неизвестный хор исполняет «Я на горку шла...» Подошла ближе. Оказывается, моя утренняя посетительница Салина разучивает эту песню с группой гвинейских юношей и девушек.

А когда возвращались с пляжа, подруга остановила меня:

— Слушай, слушай!..

Два подростка, разносчики бана-

нов, устроились на земле под стеной дома. Вид у них очень серьезный. Один — младший — учит старшего:

— Уморила, уморила, уморила!

Так вступила русская народная песня на берег Западной Африки. Сразу отпали опасения. Африканцы полюбили русские народные мелодии, оценили их по достоинству. И так было везде, где бы мы ни выступали. Русские песни сразу становились популярными среди африканцев. Мы слышали родные мелодии на улице, на плантациях, на рынке, на пляже.

Во время гастролей я очень интересовалась жизнью маленьких африканцев. Но дети дичились меня, боязливо избегали. Я не знала их языка, была для них чужим человеком. Но главное — я была «белой»...

Как же дать им понять, что хоть у меня и белая кожа, но я из страны, где все равны, где нет хозяев, а рабочие и крестьяне — люди труда — сами хозяева своей жизни?

После долгих попыток мне удалось найти заветный ключ к сердцам и улыбкам маленьких африканцев.

Песня!

Это было в Того на берегу Атлантического океана в городе Ломе. Увидев группу малышей, играющих в какую-то замысловатую игру, я несколько раз пробовала с ними заговорить, угощала сладостями.

Напрасный труд. Дети затихали, отчужденно смотрели на меня, уходили подальше. Я огорчилась, легла в тени и закрыла глаза. Ребята, играя, напевали песенку. Мелодия была неприветливая. Дети пели ее звонкими голосами, свежо и задорно.

Непроизвольно я стала подпевать сначала про себя, а затем и вслух.

Открыв глаза, я вдруг увидела себя окруженной всей ватагой ребятешек. На их лицах было удивление и любопытство.

Я запела громче. У ребят мелькнули улыбки. И вот уже раздался звонкий смех. Наперебой дети начали что-то говорить. Одна чуть не самая маленькая девочка остановила товарищей. Знаками она объяснила мне, что я, оказывается, неправильно произношу слова песни. Началось совместное разучивание. И уже через несколько минут мы все вместе распевали:

«И раз, и два, и три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять и еще: и раз...» и т. д.

Но ведь у африканцев нет песен без танцев, как и нет танцев без песни. Тут же ребята начали обучать меня и танцам.

А африканские дети танцуют с самого раннего возраста и мастерски. С каким усердием и грацией маленький Эбер со своей крошечной пятилетней партнершей исполняли зажигательную «Ча-ча-ча»! Танцевали руки, ноги, все тело.

Ребята от души потешались над моей неуклюжестью, но с еще большим усердием старались обучить меня танцу.

Так началась моя дружба с африканскими ребятами. И хотя мы не могли объясняться словами, их заменяли нам песни. Ребята учили меня своим, африканским песням, а я их — русским.

Каждый день рано утром меня будил кто-нибудь из товарищей-артистов:

— Вставай! Тебя уже ждут!

Под окном, усердно уничтожая бананы, сидят ребята. Стоит мне толь-

ко выглянуть, как они начинают кричать:

— Таня, Таня!..

С помощью ребят мне удалось записать и разучить несколько африканских песен. Например, «Ашие» — песенку торговца — разносчика бананов. Ее очень любят в Гане и взрослые и дети.

Никогда мне не забыть моего первого концерта для детей в Африке, где я впервые пела «Ашие». Едва я пропела первые слова, как бурный детский восторг прервал пение. Юные африканцы бросали на сцену цветы, а затем прерванную песню мы пели всем залом.

В республике Мали не без участия ребят я выучила их популярную песню «Няма», которую и исполняла в своих концертах.

«Няма» — древняя малийская народная легенда. Вот ее содержание.

У одного злого царя был сын Сунджат. Он не мог ходить. Царь и его приближенные смеялись, издевались над ним. Лишь простой народ и мать жалели мальчика. Мать пела ему песни, ласкала и горько плакала.

И вот однажды Сунджат встал и... пошел. Но он еще не верил этому. Лишь вырвав с корнем вековой баб, поверил он в свои силы. Мать и простой народ ликовали и плясали в честь исцеления Сунджата. Началось народное торжество. Юноша был благодарен своему народу за сочувствие и помощь и поднял его на восстание против угнетателей.

Народы Африки очень трудолюбивы, музыкальны, жизнерадостны. Меня все время восхищала любознательность и сообразительность африканских ребят.

ПЕСНЯ-СЧИТАЛКА НАРОДА ТОГО

Русский текст Н. НАЙДЕНОВОЙ

Обработка М. ИОРДАНСКОГО

Умеренно скоро

Ф-п. *mf*

Пение

mf

1. Рази два, три, че-тыре, а по-том будет

пять... Будем все мы счи-тать! Спо-ем на-шу

Для повторения

Для окончания

пес-ню-счи-тал-ку! -тал-ку!

1. Раз и два,
Три, четыре,
А потом
Будет пять...
Будем все
Мы считать!
Споем нашу песню-считалку!
2. И еще
Числа есть:
За пятью
Будет шесть,
А затем
Будет семь...
Споем нашу песню-считалку!
3. Нужен всем
Точный счет,
Вот и восемь
К нам идет,
Рядом девять,
Следом десять...
Споем нашу песню-считалку!
4. Два мяча,
Три ключа,
Пять листков,
Семь жуков...
Повторяй
И считай!
Споем нашу песню-считалку!

М. ВОЛКОНСКИЙ

„Во глубине сибирских руд...”

Кибитка Марии Николаевны Волконской неслась по равнине, приближаясь к Уралу. Мысли молодой женщины устремились назад, к покинутому, быть может навсегда, миру. В завывании метели ей чудилась музыка, обрывки песен, которые она слышала на вечере у Зинаиды Волконской в Москве. Снежная завеса опускалась над прошлым, — она опустилась на тридцать лет изгнания в далекой Сибири!

Мария Николаевна, дочь знаменитого генерала Раевского, героя войны 1812 года, два года тому назад вышла замуж за князя Сергея Григорьевича Волконского, члена Тайного общества. По приговору Верховного уголовного суда декабрист Волконский был осужден на каторгу и поселение и теперь уже находился в далеком Благодатском руднике, где, закованный в кандалы, работал под землей.

...Его молодая жена (ей недавно минул 21 год), преодолев все препятствия, которые ей чинила семья, и даже сопротивления горячо любимого отца, решила разделить участь мужа в Сибири. По пути из Петербурга в Иркутск она остановилась в Москве у своей невестки

Зинаиды, устроившей в ее честь прощальный вечер, на котором исполнялись любимые арии и песни добровольной изгнанницы. Теперь всё позади... Когда в 4 часа утра Мария Николаевна вышла из дома, она не знала, что Зинаида Волконская распорядилась привязать к кибитке большой ящик. В нем были клавикорды.

Через двадцать суток Мария Николаевна достигла Иркутска: здесь она вновь выдержала борьбу с властями, всячески старавшимися помешать принятому ею решению. Об этом можно прочитать и в знаменитой поэме Некрасова «Русские женщины», и в «Записках» самой Марии Николаевны Волконской. «Моему удивлению и восторгу не было предела, когда я увидела клавикорды, которые моя милая Зинаида Волконская велела привязать сзади моей кибитки... Я села играть и петь и не чувствовала себя уже такой одинокой», — пишет она. В те времена в Иркутске было всего только одно фортепиано — у губернатора.

Началась сибирская жизнь — ссылка и поселение. Сначала надеялись на возможные перемены, на облегчение участи, потом надеяться перестали... Надо было как-то налаживать жизнь, или, как всегда писал в своих письмах мой прадед Сергей Григорьевич, «быть».

Этапы ссылки Волконского были мучительными: Читинский острог, Каземат в Петровском заводе, поселение в Урике, Иркутск.

В Чите Мария Николаевна сначала жила в убогой избушке, а в Петровском заводе, спустя несколько лет, добилась из Петербурга разрешения жить вместе с мужем в самом остроге. Существует рисунок камеры Волконских, сделанный декабристом Н. Бестужевым: Мария Николаевна сидит за клавикордами, а Сергей Григорьевич прислонился к ним. Мария Николаевна, по отзывам современников, хорошо играла и пела. Музыка стала утешением не только для нее самой, но и для остальных заключенных. Волконская и жена декабриста Нарышкина пели дуэты. Они исполняли русские и украинские народные песни. Мария Николаевна охотно принимала участие в хороводах местных деревенских девушек.

В своих «Записках» она вспоминает о разбойнике Орлове. «Он никогда не нападал на людей бедных, а только на купцов и, в особенности, на чиновников; он даже доставил себе удовольствие некоторых из них высечь». Орлов обладал «чудным голосом». Он содержался в соседней с декабристами тюрьме и «составил хор из своих товарищей по тюрьме». Мария Николаевна часто слушала их и восторгалась их пением. В особенности часто они повторяли песню «Воля, воля дорогая», которую «пели

с удивительной стройностью и выражением». Эта песня, конечно, находила отклик и в сердцах лишенных воли декабристов.

Музыка вообще играла большую роль в жизни узников. Были среди них и композиторы. Свистуновым «...была написана заупокойная литургия, исполнявшаяся на погребении декабриста А. М. Муравьева», — пишет в своих «Воспоминаниях» жена декабриста Анненкова. Когда Свистунов вышел на поселение, у него по понедельникам бывали музыкальные вечера, играли квартеты. Он также управлял церковным хором и, организовав детский хор, воспользовался этим, чтобы обучать ребят грамоте. Другим композитором был декабрист Вадковский, скрипач. Он писал музыку на слова своих товарищей, главным образом, Одоевского.

Еще в Читинском остроге декабристы-музыканты образовали «оркестр», и в 1828 году, то есть на второй год после водворения в Чите, 30 августа, когда шестнадцать Александров были именинниками, «оркестр в первый раз играл в тюрьме... Репетиции происходили в отдельном домике, который разрешили выстроить на тюремном дворе через год по прибытии в Читу». Тут было фортепиано «для аккомпанеента флейте, чекану¹, скрипке и гитаре», — вспоминает Анненкова.

Впоследствии образовался серьезный квартет: Вадковский (1-я скрипка), Свистунов (виолончель), Крюков (2-я скрипка), Юшневский (альт).

¹ Инструмент типа флейты.

Последний, кроме того, был выдающимся пианистом. Квартет вынужден был первое время музицировать на чердаке одного из казематских помещений. Для выступлений же, из-за тесноты, приходилось сдвигать кровати в один угол и ставить одна на другую.

В Петровском заводе, куда декабристов перевели в 1830 году и где у каждого была отдельная камера, музыкой заниматься стало гораздо легче. С переходом же впоследствии на поселение, разбросанные по разным уголкам Сибири, декабристы могли музицировать уже только каждый в отдельности.

Чаще всего они исполняли русские народные песни «Не белы снеги», «Уж как пал туман на сине море». На мотив последней декабрист М. Бестужев написал «декабристские» слова:

Что не ветер шумит во сыром бору,
Муравьев идет на кровавый пир,
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать.

Замечательно исполнял эту песню декабрист Тютчев, обладавший прекрасным голосом; хором же управлял Свистунов.

На фортепиано играли известные в то время ноктюрны Фильда; в списках присланных в Сибирь нот упоминается «музыка к опере «Лукреция Борджиа» Доницетти, произведения Россини.

Хор декабристов исполнял также «Марсельезу».

На каторге изгнанники выходили на работу с пением песни Катенина (друга Пушкина и Грибоедова) «Отечество наше страдает» — своего рода «Марсельезы» декабристов. Причем под эту песню принуждены были маршировать и конвоиры. Вот первая строфа этой песни:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей...

Когда в 1830 году начался большой переход из Читы в Петровский завод, где для декабристов был выстроен специальный каземат (600 верст декабристы шли 45 дней), то и тут шли они под звуки этой песни. Подходя к Петровску, они узнали об Июльской революции во Франции. «Всю ночь, — пишет Мария Николаевна Волконская, — то и дело раздавались среди наших песни и крики ура; часовые были в недоумении как могли они забавляться пением, приближаясь к каземату...»

На мотивы народных песен декабристы исполняли многие революционные песни.

Широко известна была песня «Ах, тошно мне»:

Ах, тошно мне	Долго ль русский народ
И в родной стороне.	Будет рухлядью господ,
Всё в неволе,	И людьми,
В тяжкой доле,	Как скотами,
Видно, век вековать.	Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабелил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?..

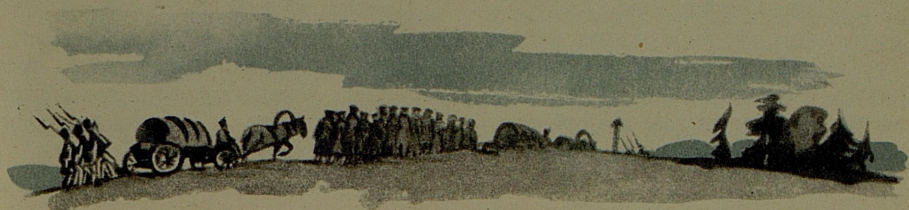
Песня заканчивалась словами:

А до бога высоко,
До царя далеко.
Да мы сами
Ведь с усами —
Так мотай себе на ус!

«Знаете ли Вы,— спрашивали в следственной комиссии в 1826 году декабриста Волконского,— кому принадлежат подобные «возмутительные песни»?».

Волконский отвечал, что ему известны только народные песни, привезенные из Петербурга. Через некоторое время на одном из допросов Кондратий Федорович Рылеев, вдохновитель движения декабристов, признал себя автором этих песен и, желая не выдавать товарищей, скрыл, что в создании их участвовал еще один декабрист, его ближайший друг Александр Бестужев.

Эти песни и любили петь сосланные декабристы. Царские палачи хотели лишить жизни первых русских революционеров и их песни. Но песни остались. Их пели в народе, их пели декабристы «во глубине сибирских руд».

А. КЕРШНЕР

В ПОИСКАХ ПЕСНИ

В ДЕРЕВНЕ ВЕНГИ-ГОРА

Под окном раздался автомобильный гудок — это наш шофер подал сигнал — в дорогу! Мы распрощались с гостеприимными хозяевами — «до скорого свидания на обратном пути» — и направились к «газику» или, как мы называли эту маленькую, легкую и проворную машину, «козлику».

Работа наша по собиранию песен только началась; деревня Венги-гора, куда мы направлялись, была третьим рабочим пунктом нашей экспедиции в районы средней Карелии

осенью 1957 года. Потом нам предстояло направиться дальше — к северной границе этой полосы, через село Ругозеро в село Реболы. Отсюда зимой 1922 года начал свой легендарный поход на белых, к деревне Кимасозеро, герой гражданской войны Тойво Антикайнен.

Целью нашей экспедиции была запись карельских народных песен — старых и новых, созданных после Великой Октябрьской революции. Записывали мы и финские песни, которые поют на севере Карелии.

...Едем. Все дальше вьется дорога — у подножия холмов, мимо озер, уводит в глубь леса...

Сколько ни смотришь — не устает любоваться его осенним убранством, сказочно богатым сочетанием красного и золотого. Темные и огненно-красные листья осин, нежные, золотисто-желтые — березок; оранжево-красные гроздья рябины, а в хвойном лесу — темная зелень елей, непроходимая чаща; то раскидистые, то стройные сосны с золотистыми стволами — словно удержались в них лучи заката. На земле мох — седой, серебристый и ярко-зеленый, весело краснеют ягоды брусники, расстилается лиловый ковер вереска... А грибов сколько! Непрерывно мелькают их разноцветные шляпки; целыми семьями подходят они к обочинам дорог. Крепко вросли в землю большие валуны, покрытые лишайником — оранжевым, серым, зеленым. То подступая к самой дороге, то прячась за стволами деревьев, в оврагах и низинах мелькают большие и малые лесные озера — «лабushки»: голубые, как небо, и темно-синие, стальные и черно-зеленые. Приглашают к отдыху и покою приветливые лесные полянки.

А по дорогам, нарушая вековое молчание леса, идут грузовики, лесовозы, и в новых лесных поселках, на лесопунктах кипит работа: люди вносят свою долю самоотверженного труда в великое строительство коммунизма.

...В Венги-гора мы прибыли еще засветло и, проезжая почти через всю деревню к дому, где должны были остановиться, успели полюбоваться и озером, на берегу которого расположена деревня, и рядом но-

вых, недавно отстроенных домов — повыше.

Бест о том, что «приехали за песнями», быстро распространилась по деревне: высыпали на улицу ребятишки, подошли к машине. В дом, где мы расположились, пришел кое-кто из старожилов.

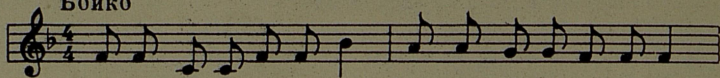
Завязалась беседа, и нам назвали несколько пожилых и молодых женщин-песенниц. По намеченному маршруту мы должны были выехать на день из Венги-гора в соседнюю деревню Лазарево. Но оказалось, что дорога туда в объезд по берегу озера — долгая и что поэтому давно все пользуются переправой: километра за три от Венги-гора, в лесу, на берегу озера в условленном месте зажигают костер, и по этому сигналу из Лазарево выходит на лодке перевозчик. Решили так: съездить на «козлике» к переправе, чтобы заранее знать дорогу, рассчитать время. Вышли на крыльцо — а там полно ребятишек лет от восьми до двенадцати, кое-кто из них за руку с малышами.

Ребята — большие помощники в собирании песен. Знают, кто лучше всех поет, порою и сами хорошо помнят песни, которые слышат от старших, знают и свои, детские песни, считалки, потешные коротенькие песенки, песни игровые и колыбельные; даже малыши — и те дружно помогают.

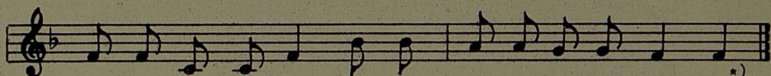
Как-то в детском саду села Толвуи шестилетний мальчуган очень чисто, с самым серьезным видом и даже «с выражением» пел нам песни, которые слышал от взрослых, и также серьезно закончил коротенькой детской песенкой: «Я пойду на улицу, там поймаю курицу».

Я ПОЙДУ НА УЛИЦУ

Бойко

Я пой-ду на у-ли-цу, там пой-ма-ю ку-ри-цу,

за-пря-гу в те-леж-ку, по-е-ду на Мед-веж-ку.

Итак, «добыча» сама пришла на крылечко, сама далась в руки. Нам, «охотникам за песнями», этого никак нельзя было упускать. Мы разделились: молодежь поехала искать переправу, а я осталась у дома с ребятами.

До сих пор с радостью вспоминаю этот вечер на крылечке у озера... Ребята оживились, подзадоривали друг друга, наперебой рассказывали о своих играх, припоминали считалки и песни.

Подошла молодая учительница и тоже приняла участие в нашей веселой беседе. Пришлось и мне волей-неволей порассказать о наших поездках, вспомнить кое-что из записанных песен. Мы разошлись, когда солнышко уже скрылось за лесом, сильно повеяло вечерней прохладой. Следующий день ребята обещали

еще подумать, а «на послезавтра» сговорились встретиться в школе после уроков: лучшие песни запишем на магнитофон, и ребята, конечно, послушают, что напели.

По-ночному потемнело небо и черной стала вода в озере, а наши разведчики все еще не появлялись. Мы с хозяевами стали уже не на шутку беспокоиться, но, наконец, услышали, как «стучит-бренчит» наш «козлик» и увидели мелькающие невдалеке огни его глаз. Смущенные предстали перед нами посланцы. Что-то перепутали, чего-то недослушали, переправы не нашли... Ну, что же! В экспедиции все бывает, ошибки тоже.

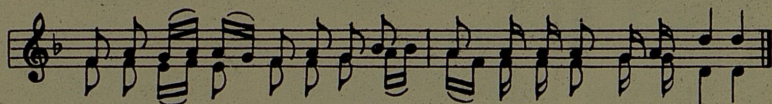
Надо отдать должное провинившимся: на следующий день они с лихвой искупили свою ошибку усердной работой по отысканию песенных кладов, записью одной из лучших и до сих пор неизвестных карельских лирических песен. Записали и одну интересную коротенькую песню про пастушка:

¹ На Медвежью гору, в город Медвежьегорск.

ПИМПУЛА-ПАМПУЛА, ПАСТУШОНОК

Пим-пу-ла-пам-пу-ла, па-сту-шо-нок, я го-ды рвать не на-до.

Где ро-жок твой бе-ре-стя-ный, где тво-е пест-ро-е ста-до?

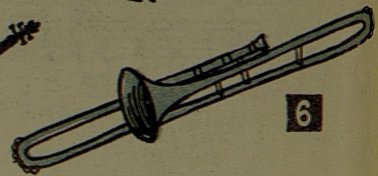
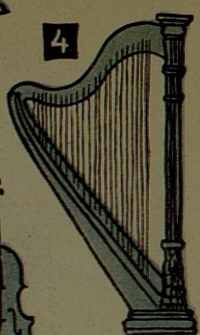
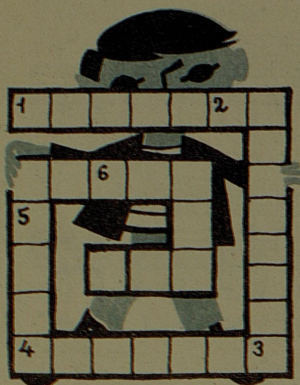
...Когда мы пришли в школу, уроки только что кончились. Мы установили аппарат, укрепили микрофон — и «репетиция» началась. Среди ребят сразу выделялись своими чистыми голосами и хорошей музыкальной памятью Ваня Чуркин и Зина Стофеева. Лучшее всего они пели одну карельскую колыбельную песню. Коля знал мелодию, которую пела его мама, когда убаюкивала малышей; Зина знала другую мелодию — ту, что пела ее мама. Мы записали обе мелодии. Какая радость была, когда ребята слышали свои голоса!

Со времени записи этих песен прошло шесть лет. Коля и Зина

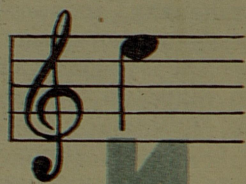
выросли, кончили, наверное, школу, учатся дальше или работают и книги для школьников уже не читают. Но кто-нибудь из младших, покажите им эту страничку!

...На следующий день мы благополучно подошли к переправе, зажгли костер, махали большим платком, укрепленным на длинной палке — и нам здорово повезло: нас забрал на ту сторону и через несколько часов, когда мы кончили работу, доставил обратно моторный катер — объездчик по лесным угодьям. А еще на следующий день мы закончили рано утром записи песен в деревне Венти-гора и отправились дальше — на север.

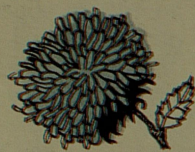
чайнворд

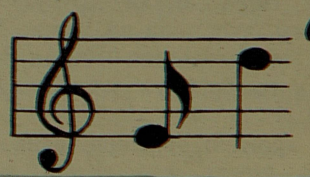
Отгадай

Н

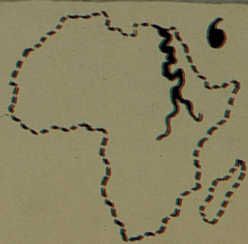

ЖЕ

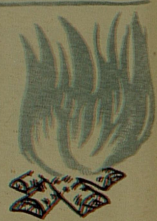

А

З

Й

Александр Федорович Гедике

М
ногим из ребят, обучающимся музыке, имя композитора Александра Федоровича Гедике становится знакомым с самых ранних лет. Кто из начинающих музыкантов не играл в детстве его «Заиньку», а позже «Тарантеллу»?

...Когдаходишь в Большой зал Московской консерватории, прежде всего обращаешь внимание на величественный инструмент, занимающий почти всю эстраду.

Помню день,— он надолго остался у меня в памяти,— когда этот инструмент заговорил. Полились звуки не-

обычайной красоты, то задумчиво нежные, то мощные и торжественные, они заполняли собою все уголки зала.

Исполнитель на органе носил странную фамилию, состоящую из трех слогов: Ге-ди-ке.

Как я узнал, это был профессор Московской консерватории, известный композитор, органист и пианист.

Органные концерты Гедике давал часто. Играл он больше всего любимого им Баха.

«Музыка его, — говорил Гедике, — вечно юная, свежая и новая, полная жизни и огня, радостная и глубокая, созерцательная и возвышенная, пленяет нас с такой силой, как будто Бах и сейчас живет среди нас, молодой, полный сил и любви к жизни».

На концертах Гедике всегда было много народа. После окончания артисту долго аплодировали, посылали трогательные записки, благодарили за доставленное удовольствие.

Мне посчастливилось на протяжении двадцати пяти лет часто видеться с этим замечательным человеком. Сначала я у него учился, а затем преподавал в той же Московской консерватории.

Александр Федорович был очень разносторонний музыкант.

Прежде всего он много сочинял. Им написано несколько опер, особенно следует отметить оперу «У перевоза», рассказывающую о пугачевском восстании.

Он создал три симфонии, огромное количество пьес для рояля и других инструментов, много песен и романсов, а также произведения для различных ансамблей.

Особую известность приобрели обработки Гедике русских народных песен для голоса, скрипки, виолончели и фортепиано.

Много лет тому назад, в 1900 году, на международном конкурсе имени Антона Рубинштейна, Гедике получил первую премию за сочиненный им концерт для фортепиано и сонату для скрипки.

В Московской консерватории Гедике учил играть на рояле, органе и совместной игре на разных инструментах. Класс этот называется классом камерного ансамбля. Для того чтобы руководить таким классом, нужно знать основные приемы игры на многих инструментах и, кроме того, уметь объединять их вместе. Работа такого педагога похожа на работу дирижера в оркестре.

Александр Федорович Гедике был неутомимый труженик. Помня завет великого композитора П. И. Чайковского — «работать нужно

всегда!», — Гедике сочинял, занимался на органе, рояле ежедневно. Не ждал «подходящего настроения».

Он очень много успевал сделать за день.

У Александра Федоровича был определенный режим дня, которого он неукоснительно придерживался всю жизнь. Он вставал всегда в 6 утра, а ложился спать в 9—10 часов вечера.

С утра Гедике шел в Консерваторию заниматься на органе, а затем с учениками. Не было случая, чтобы он когда-либо пропустил занятия или опоздал. По нему можно было проверять часы.

Кому не была знакома высокая фигура человека с седеющей бородкой, шедшего ранним утром неторопливой походкой, с палкой в руке, по улице Герцена в свой родной дом — любимую Консерваторию?! Его знали не только люди, его хорошо знали птицы.

С кормления птиц и животных у Гедике начинался рабочий день. Он, можно сказать, «знал в лицо» каждого воробья, обитавшего на улице Герцена, а воробьи знали его. Стоило ему только показаться на улице, как воробьи тотчас слетались ему навстречу, кружились над головой. Он вынимал из кармана заранее приготовленный мешочек с хлебными крошками и разбрасывал их во все стороны. Усаживаясь на скамейку в консерваторском садике, Александр Федорович ласковым взором рассматривал своих пернатых друзей.

— Смотри, — обращался ко мне Гедике, — видишь, вон тот с подбитой ногой? Его озорники-мальчишки подбили. Шустрый такой, всегда отнимает хлеб у других...

Дома у Гедике было огромное количество кошек и собака шпиц, которую хозяин звал Шарко или Шарик, а в минуты особого расположения — Шаркушка.

Со своими любимцами он разговаривал, как с людьми. Помню один забавный случай.

Пришел я по какому-то делу к Александру Федоровичу. Он отворяет дверь, а сзади бежит собака и лает на меня.

— Шарко, Шарко, перестань!

Шарко не унимается.

— Шарко, перестань, ведь это же Мильман пришел!

Этот довод также не успокоил четвероногого «хозяина».

— Шарко! Неудобно, ведь Мильман доцент¹!

¹ Ученое звание педагога.

Исчерпав все убеждения и не добившись успеха, Александр Федорович увел собаку в другую комнату.

Занимался Гедике с учениками с большим воодушевлением. Он подпевал, насвистывал, ходил по классу, нервно теребя цепочку от карманных часов, дирижировал. Иногда покрикивал, пробуждая вялых от «спячки». Если студенты во время занятий разговаривали, шумели, Александр Федорович их одергивал: «Не балуй!» Звук «л» он не произносил, и получалось «не ба-уй!».

Гедике хотел казаться строгим, сердитым, но у него это не получалось. Необыкновенная мягкость, доброта сказывались во всем.

Не было случая, чтобы Александр Федорович кому-либо из учеников сказал резкость. Он только угрожал, предупреждал: «Смотри, я рассержусь!» Но это никого не пугало: во время сказанной угрозы на ученика смотрели те же добрые глаза...

После работы Гедике прогуливался по садику около Консерватории. Завидев ребят, подзывал их и деланно сердитым голосом бурчал: «Давай руку!» В протянутую руку совал конфету.

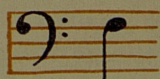
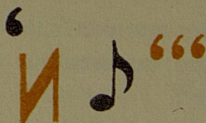
Любовь к природе приучила Александра Федоровича к большой наблюдательности. Он зорко подмечал малейшие изменения в окружающем его мире. Каждая набухшая весной почка приводила его в восторг.

Когда Гедике сочинял музыку для ребят, он как бы перевоплощался в мальчика или девочку, старался в своем воображении жить их интересами. Вот почему дети с такой охотой играют пьесы «дедушки Гедике».

Когда отмечалось восьмидесятилетие Александра Федоровича Гедике, на эстраду Большого зала Московской консерватории вышла делегация ребят; они подарили любимому композитору массу цветов и... клетку со щеглом.

М. Мильман

РЕБУСЫ ВЕРЫ ИВАНОВОЙ ИЗ ГОРЛОВКИ

ПТИЧЬИ ГАММЫ

Подставьте ноту и недостающие буквы, чтобы получились названия птиц.

Мы расположены по гамме;
Как нас зовут — узнайте сами.
В названии каждом здесь живет
Одна из нот.

1. Торчит хохолок и, как требует мода,
Одежда пестра у франта у

2. Все желтое: грудка и шейка —
В клетке поет кана.....

3. У него розоватые ноги и спинка,
Это красавец фла.....

4. Ходит он чинно и чванно,
Все в нем узнают

5. Болотную воду глотая по капле,
Стоит в тростнике длинноногая цап..

6. Хлопочет весь день, суетится
Веселая птица

М. Булатов „ДУБИНУШКА“

Это было давно... По берегам Волги шла артель бурлаков. Лохматые, почерневшие от палящего зноя, потные, с избитыми в кровь ногами, они тянули огромную, глубоко осевшую баржу. На пристани они разгружали кули, ящики, надрываясь, перетаскивали тяжеловесные котлы для «заводчиков», вбивали в землю неподатливые сваи...

Здесь-то и родилась «Дубинушка» — «песня, подобная стону».

— Эй, ребятки, собирайтесь,
За веревочку хватайтесь! —

запевал один из бурлацкой артели. И вся артель подхватывала патруженными, надорванными голосами:

Эй, дубинушка, ухнем,
Эй, дубинушка, подернем,
Ай, зеленая сама пойдет!
Дернем, подернем да у-ухнем!

Если судно не двигалось с места и невозможно было одолеть тяжесть, бурлаки угрюмо твердили:

Эх, да вот нейдет-нейдет!
Нейдет да нейдет-пойдет!
Да — у-ух!..

А когда тяжесть сдвигалась, вырывались торопливые выкрики:

Идет, идет...
Сама пошла, сама пошла!
Идет-идет! Идет-идет!..

Каждый раз «Дубинушку» пели по-новому — запевок было множество: жаловались на свою горькую участь, проклинали кровопийцу-хозяина, высмеивали его угодливых и бессовестных прислужников, задевали «петербургского барина чинного»...

Великий русский поэт Некрасов писал о мученике-бурлаке:

Плечами, грудью и спиной
Тянул он баржу бечевою,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил,
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал...

Бурлацкую «Дубинушку» услышал и молодой врач Петербургской больницы для чернорабочих Василий Иванович Богданов. Он написал свою «Дубинушку», сохранив старинный бурлацкий припев. В стихотворении Богданова есть такие строки:

Эх, когда б эту песню допеть поскорей,
Без дубины чтоб спорилось дело,
И при тяжком труде утомленных людей
Монотонно б у нас не гудело:
 «Ухни, дубинушка, ухни!
 Ухни, березова, ухни!
 Ух!..»

В этом стихотворении, напечатанном в 1865 году в журнале «Будильник», звучал протест против угнетателей, но звучал еще глухо, робко, нерешительно.

Стихотворение В. Богданова прочел другой поэт — Леонид Трефолов. В том же 1865 году он написал свою «Дубинушку». Он поведал о невыносимой жизни бурлаков, которые идут, надрываясь, «по кремнистому берегу Волги-реки» со своей неизменной песней:

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз...
 Покаталися слезы из глаз.
Истомилась грудь. Лямка режет плечо...
 Надо ухать еще и еще!
...От Самары до Рыбинска песня одна,
 Не на радость она создана...

«Праведный гнев» измученных тружеников слышен в этой «Дубинушке», гнев против тех, кто пот и кровь несчастных бурлаков превращает в барыши...

Но еще более гневной была «Дубинушка» Александра Ольхина.

Это был талантливый юрист. Он защищал на судебных процессах революционеров, оказывал им всяческую поддержку, помогал бежавшим из Сибири «политическим». За это Ольхин постоянно подвергался преследованиям и наказаниям. Но запугать и смирить его было невозможно. Ольхина выслали в глухие места, но он не хотел подчиняться распоряжениям полицейских. Он произносил «дерзкие слова против особы государя императора», и за это его бросали в одиночную камеру тюрьмы...

Этот мятежный человек переделал «Дубинушку» Василия Богданова. Из нее он взял три четверостишия, остальные написал сам. Поэт говорит уже не только о тяжком труде бурлаков. В «Дубинушке» А. Ольхина слышен самый решительный призыв освободиться, скинуть вековой гнет:

Но настанет пора — и проснется народ,
Разогнет он могучую спину.
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покренче дубину.
Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем
Да ухнем!

Поэта можно было схватить, запереть в тюрьму, отправить в ссылку. Но его «Дубинушку» жандармы не могли ни арестовать, ни сослать. Молодежь 70-х годов XIX века переписывала полюбившуюся ей песню. «Дубинушка» А. Ольхина распространялась в рукописных песенниках, ее перепечатывали в заграничных изданиях. Ее пели в революционных кружках, на студенческих сходках, на маевках и демонстрациях: ее пели рабочие, ремесленники, студенты, солдаты. Переделывались отдельные строчки, заменялись отдельные слова, но сохранялся боевой дух «Дубинушки».

Так жила «Дубинушка» десятилетие за десятилетием, призывая к борьбе, вливая в сердца бодрость и надежду.

...В Октябре 1917 года народ стал хозяином своей страны, хозяином своей жизни. Свободные люди складывали новые песни. Но старинная «Дубинушка», прошедшая с народом долгий и тяжелый путь, не была забыта. Только пели ее уже по-другому — как победители. И заканчивали песню так:

Настала пора — и проснулся народ,
Разогнул он могучую спину.
И прогнал он царя, и прогнал он господ —
Показал им свою он дубину!

Гитара
СУРИКОВА

В притолоку двери были ввернуты два крюка, на них висели обыкновенные детские качели. Они летали между столовой и комнатой моего деда, художника Василия Ивановича Сурикова. Качели эти были моими, и я любила на них качаться.

Вечерами, свободными от работы, Василий Иванович сидел в своей комнате и играл на гитаре. На овальном столе, покрытом рыжей плюше-

вой с разводами скатертью, стояла керосиновая лампа «молния» под белым матовым абажуром. От лампы шло тепло и свет, который мягко обволакивал стены комнаты, почти пустые: две, три репродукции с картин Тициана и Веласкеза...

Дед сидел на венском стуле, а я на качелях, и оба мы пели. Я тоненько выводила верхний голос, дед тихонько подпевал втору, аккомпанируя на гитаре:

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Серый селезень плывет.

— Дедушка, а что такое селезень?

— Утка, — коротко пояснял дед. — Ну, давай пой дальше, бомбочка!

Я была большая, толстая, курносая, и дед неизменно называл меня «бомбочкой» или «бомбошей». Он сам повесил для меня качели в дверях своей комнаты, потому что любил проводить свободное время в моем обществе и всегда просил, чтоб я пела.

Вдоль да по бережку,
Вдоль да по крутому
Добрый молодец идет,—

выводила я, вылетая из комнаты дедушки в столовую, и сверху мне было видно, как легко сидит дед на стуле, притоптывая ногой в такт своему живому, звонкому аккомпанементу. Коротко постриженная борода с проседью, усы, опущенные по-казацки книзу. Небольшие веселые карие глаза. Надо лбом начинающие сесть волосы, разделенные на две пряди, которыми он молодецково встряхивал в такт песне:

Доставались кудри,
Доставались русы
Красной девице чесать.
Уж она их чешет,
Уж она их гладит —
Волос к волосу кладет...

Руки у Василия Ивановича были небольшие и удивительно красивые. Играл он превосходно на своей маленькой гитаре о семи струнах.

Родом из Красноярска, из казацкой сибирской семьи, Василий Иванович воспитывался на старинных казацких песнях, что пел его отец Иван

Васильевич сильным, красивым голосом, сам аккомпанируя себе на гитаре. Василий Иванович с юности пристрастился к этому удивительному инструменту, прочно укоренившемуся в сибирских традициях. Суриков знал и любил старинные песни бесчисленных теток села Торгошино, откуда родом была и его мать Прасковья Федоровна. Там, в этих селах, песня была душой молодых не обученных грамоте сибирских девушек, воспитанных в суровой уединенности казачьих домов. Каждый дом — крепость.

Юношей Василий Иванович ходил слушать хор певчих в красноярский собор. В те времена нигде было больше послушать хоровую музыку: не было в Красноярске ни театров, ни концертов. Только церковь да домашний семейный хор, который мог тоже собираться разве что в праздник. И потому Василий Иванович с братом Александром сами пели в церковном хоре, знали все самые красивые церковные песнопения, часто принадлежавшие перу знаменитых в то время композиторов.

С 1869 года Суриков живет в Петербурге и учится в Академии художеств. Тут он впервые попадает в центр музыкальной культуры того времени. Ходит в оперу, слушает концерты знаменитых гастролеров. В Петербург приезжают итальянские певцы и певицы, приезжают скрипачи, пианисты, композиторы.

Василий Иванович старается ничего не пропустить. Друзья его — семейство сибиряков Кузнецовых, которые постоянно жили в столице, приглашают его на все новинки.

Сам он снимает комнату у какой-то петербургской старушки, близ Садовой. У хозяйки в доме стоит рояль и она берется обучить своего постоянного игрока на «фортепьянах».

И вот молодой красноярец, в кургузом пиджачке, постриженный по-казачьи под скобочку, сидит в свободное время за роялем и разучивает гаммы и упражнения. Так велика была его тяга к музыке!

В августе 1869 года Василий Иванович писал своей матери в Красноярск:

«...Вот что, мамаша! Нельзя ли упаковать мою гитару да послать ее ко мне?.. Сделать ящик сосновый, обложить гитару ватой или лучше кусочков да и сдать на почту... Теперь я довольно порядочно играю на фортепьяно, на квартире, где я стою, оно есть. А вот в сентябре думаю переехать на Васильевский остров, чтобы поближе к Академии было ходить, так хотя на гитаре играть буду в свободное время...»

Но гитары он так и не дождался. Где уж там! В Красноярск письмо

идет шесть недель, да пока соберутся, да пошлют, да на почтовых лошадях по сибирскому тракту будет гитара ехать еще шесть недель. И того три месяца ждать! Василий Иванович купил себе гитару, потому что на новой квартире «фортепьян» не оказалось.

В Петербурге Василий Иванович часто слушал хоралы Баха. Он так пристрастился к Баху, что не пропускал ни одного исполнения. Эта музыка и успокаивала его и в то же время рождала в нем необычайную веру в себя, наполняла его душу мечтами и желанием творить.

А вечером в воскресенье можно было поехать в Павловский курзал, где гастролеровал прибывший из Вены прославленный Штраус, и послушать блестящие вальсы, похожие на фейерверки.

Но все же самым большим удовольствием было слушать Баха в католической церкви. Там встретил Василий Иванович двух сестер французенок, Софью и Елизавету Шарэ, с которыми подружился и вскоре женился на младшей — Елизавете. С нею вместе он покинул Петербург, окончив Академию, и навсегда поселился в дорогой его сердцу Москве.

Баха Василий Иванович любил страстно. Он сам перекладывал его фуги и прелюдии для гитары и, пожалуй, не было вечера, чтобы он не посидел с гитарой, не попробовал какой-нибудь новой мелодии.

Был у него большой друг, гитарист Федор Федорович Пелецкий, у которого Василий Иванович учился мастерству исполнения, и часто они самозабвенно играли пьесы для двух гитар.

Пелецкого Василий Иванович увековечил в великолепном карандашном рисунке, в котором передал характер этого человека, музыканта, большого мастера. Стоит только посмотреть на сухую кисть гитариста, на чуть приплюснутые пальцы виртуоза, на сосредоточенное лицо и всю его посадку, не имеющую ничего общего с манерой игры залихватских гитаристов — мастеров цыганского романса, которые в те времена пользовались успехом в купеческом и чиновничьем быту.

Рисунок этот находится в Государственной Третьяковской галерее. Там же висит и акварельный портрет Софьи Августовны, сестры жены Сурикова. Женщина в сером и в черной кружевной косынке сидит с гитарой. Она мечтательна и поэтична. Непринужденность ее позы, изящество рук, положенных на струны, шуршащий шелк ее платья — все обличает изысканный вкус молодой француженки, и в то же время все благородно и сдержанно. Софья Августовна дружила с сестрой, часто бывала у Суриковых и, аккомпанируя себе на гитаре, пела «Вьется ласточка сизокрылая».

Свой первый эскиз к картине «Утро стрелецкой казни» Василий Иванович сделал на последней странице сборника пьес для гитары. Под рукой не было бумаги, а неожиданно пришла мысль композиции картины. Суриков оторвал последний лист в сборнике и набросал композицию карандашом.

В 1914—1915 годы, уже незадолго до смерти, Василий Иванович жил вместе с нами всеми на Большой Садовой улице. И я очень хорошо помню, как он играл переложенную им самим для гитары первую часть «Лунной» Сонаты Бетховена.

Играл он ее медленно, строго, без излишней эмоциональности, но в то же время с внутренним волнением и чувством. Это было последнее, что он разучил и исполнял с подлинным мастерством, доставляя нам всем огромное наслаждение.

Теперь, когда я вспоминаю жизнь деда, его страстную, стихийную натуру, мне кажется, что если б он не был живописцем, то непременно бы стал музыкантом.

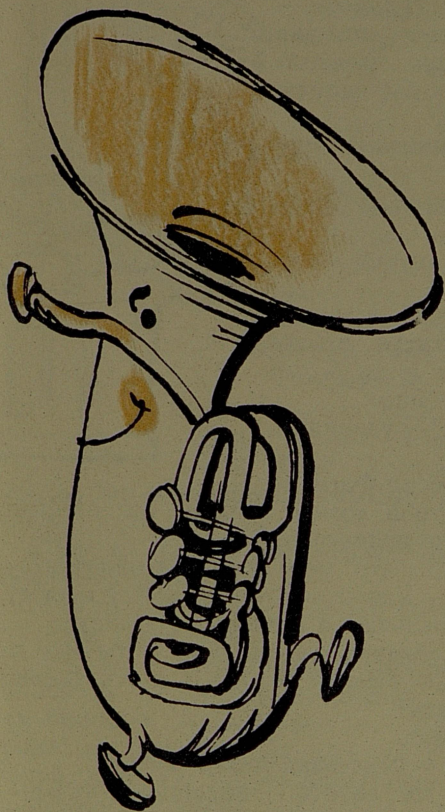
В. ЛЁВШИН

МАЛЕНЬКАЯ Волшебница

В одном городе все жители были музыканты. Пирожники и сапожники, учителя и ученики — все играли на каком-нибудь инструменте. Одни играли хуже, другие лучше.

Однажды, когда все люди в городе спали, музыкальные инструменты взбунтовались. Не все, а только те, которым надоело быть всегда в одиночестве. Весь день, пока их хозяева были на работе, они задыхались в тесных футлярах и чехлах

и никогда не виделись друг с другом. Им очень хотелось попасть в Консерваторию и сыграть в Симфоническом оркестре. И откуда они узнали обо всем этом?

И вот инструменты выбрались из чехлов и футляров и направились к Консерватории. У подъезда Консерватории началась давка. Контрабас едва не проткнул своим острым штыком живот толстому Барабану, Фагот толкнул Тарелки, они упали и, наверное, разбились бы, если бы не были металлическими. По Тарелкам пробежала огромная Туба.

— Вы не Туба, а тумба,— расплакались пострадавшие.

— Пропустите, пропустите меня вперед,— на высокой ноте умоляла Скрипка, она была очень нервная.

— Почему я должна пропустить вас вперед? — спокойно ответила другая Скрипка.

— Потому что я Первая, а вы Вторая!

— Воздуху, воздуху, я задыхаюсь! — пыхтел Тромбон.

Контрабас вертелся вокруг своей оси и гудел:

— Куда пропал мой Смычок? Он такой непоседа. Вдруг вспомнил, что забыл дома канифоль и исчез. Что я буду делать без малютки?

— Вам всегда так мало приходится играть,— ехидничал Альт,— что сможете обойтись без Смычка.

Самая маленькая из всех, Флейта пикколо, была очень любопытна:

— А почему у меня нет смычка, а одни только дырочки?

— Не задавай глупых вопросов,— отвечала Флейта-мама,— когда подрастешь, узнаешь.

— Смотрите,— щелкнул камышовым язычком Гобой,— кто-то потерял Сурдинку.

— Это моя сурдинка,— обрадовалась Труба,— отдайте мне ее.

— Ха-ха-ха! — заливалась Арфа.— А я хотела ее съесть, мне показалось, что это груша.

— Сурдинку спутать с грушей! — возмутился Альт. — Какое невежество! Сурдинка похожа на гребешок. Ею можно причесывать струны.

— Нет, она похожа именно на грушу, — возразила Труба.

— Не спорьте, — вмешался умный Тромбон, — обе стороны правы. У Трубы сурдинка похожа на грушу, а у Скрипки — на гребешок. Каждый играет под свою сурдинку. Иначе было бы неинтересно жить на свете.

— Мама, а почему у меня нет никакой сурдинки? — спросила Флейта пикколо.

— Не задавай глупых вопросов, — ответила Флейта-мама. — Когда подрастешь, узнаешь.

Тут зазвенели Колокольчики, и ни одного слова нельзя было разобрать.

Наконец, все поднялись по широкой лестнице в зал. Вдруг Туба увидела на пюпитре совсем маленькую Палочку. Она лежала одна и ни с кем не разговаривала. Она была очень скромная.

— Что это за смешной инструмент? — удивилась Туба.

— Какой же это инструмент? — ответил Фагот. —

Здесь работал мой хозяин, столяр, он насорил, а уборщица еще не подметала.

— Может быть, это моя запасная палочка? — спросил Барабан. — Ударьте-ка ею по моему животу. Нет, это не моя палочка, я ничего не чувствую.

— Палочка, — обратился к ней Альт, — ты умеешь петь? Понимаешь — играть? Я хочу сказать умеешь ли ты разговаривать?

Палочка молчала.

— Ты немая? — приставал к ней Фагот.

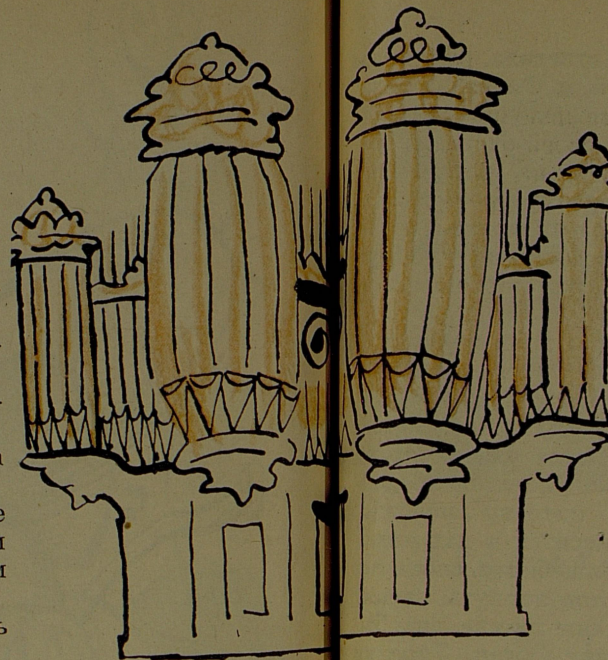
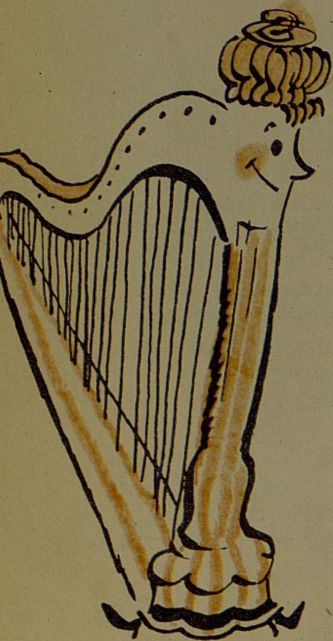
— Разве вы не видите, — вмешался Гобой, — у нее нет язычка.

— Она могла бы говорить и без язычка, — сказала Скрипка, — если бы были струны. Но их нет.

— Зачем же она очутилась здесь, среди нас, таких музыкальных инструментов? — спросила Арфа.

И тут заговорил Орган. Он был самый большой из всех инструментов, самый мудрый:

— Друзья мои! Музыка прекрасна. Музыка доставляет большую радость Человеку и приносит ему счастье. Сочиняют музыку Композиторы, а исполняют ее Музыканты. Звуки они извлекают из нас,

музыкальных инструментов. Все это так. Но зачем вы смеялись над этой маленькой, тоненькой Палочкой? Вы ее видите в первый раз, и не знаете, кто она? Она молчалива и не умеет петь так, как это делаем мы. Но она может заставить нас петь!

— Меня никто не может заставить петь силой, — заявила Скрипка.

— Я все равно не буду играть из-под палки, — пробасила Туба.

— Блям! — раздалось в зале. Это опять упали Тарелки.

— Видите, — сказали они, — мы можем играть сами, без людей.

— Но это же не музыка! — рассердился Орган. Тут раскрылись двери, и в зале раздалось человеческие голоса:

— Так вот они где? Это же моя Скрипка! Это мой Гобой! Как они сюда попали?

Оказывается, в тот самый день, когда инструменты захотели создать Оркестр, люди думали о том же самом. Теперь самостоятельный Оркестр был в сборе. Хозяева стали настраивать свои инстру-

менты, и зал наполнился самыми разнообразными звуками.

— Что за симфонию играет наш Оркестр? — спросил Контрабас.

— Это какофония! — ответил Орган. — Симфония начинается тогда, когда...

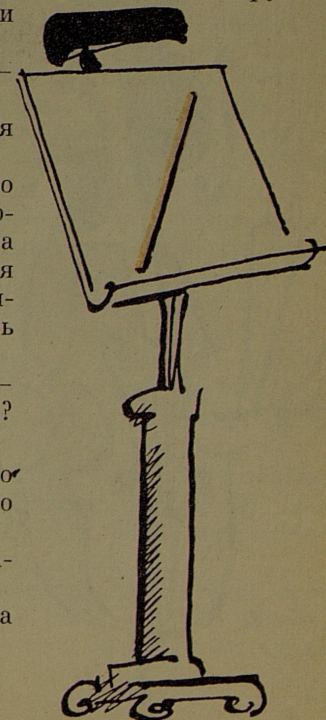
Он не успел договорить. Учитель пения быстро поднялся на подставку посередине эстрады, повернулся лицом к музыкантам и... Палочка три раза ударила по пюпитру. Да, да — та самая тоненькая Палочка, которую так не приветливо встретили бунтовщики-инструменты. Палочка легко взвилась в воздух и застыла. Все мгновенно умолкло.

— Что со мной? — недоумевала Виолончель. — Почему я так внимательно слежу за этой Палочкой? Она волшебная?

— А я вот возьму и не послушаюсь ее, — робко сказала Первая скрипка, но... Палочка властно устремила к ней, и Скрипка запела.

За ней запели другие Скрипки, Виолончели, заиграли Трубы, Гобои, Фагот и даже Контрабасы.

— Мама, почему мне так легко петь? — спросила Флейта пикколо.

На этот раз Флейта-мама не ответила, волшебная Палочка устремилась прямо к ней, и Флейта запела мягко и протяжно. А Барабанные палочки повисли в воздухе и с нетерпением ждали своей очереди. Обе металлические Тарелки держались на расстоянии друг от друга, готовые по первому требованию столкнуться. И вот Палочка отдала им приказ, и обе Тарелки с такой силой понеслись навстречу друг другу, что казалось, теперь уж они наверное разобьются на мелкие кусочки.

Вот уже все инструменты играют одновременно. А Палочка носится над всем Оркестром и успевает каждому дать приказ и каждого ободрить. Она неутомима. Инструменты стараются как можно лучше угодить своей повелительнице. Когда она замирает в воздухе, замирают все. Только Скрипки продолжают еще тянуть тоненькую ниточку мелодии. Но вот Палочка, как птица, пронесется и над ними, и Скрипки тоже умолкают. А волшебница снова летает во все стороны. Барабан готов лопнуть, звенят Колокольчики. Громче, быстрее, еще громче, еще быстрее! Задыхается Тромбон, гудит Орган, Тарелки дерутся между собой по-настоящему, и вдруг Палочка, взмыв в последний раз вверх, сразу опускается. Наступает полная тишина.

Музыканты вздохнули, а инструменты заговорили на особом только им понятном языке:

— Браво, Палочка! Прости нас! Мы были несправедливы. Мы всегда будем тебя слушаться!

Палочка молчала. Она ведь была очень скромная.

— Мама, эта Палочка в самом деле волшебная? — спросила Флейта пикколо.

— Не задавай глупых вопросов, — ответила Флейта-мама. — Когда подрастешь, узнаешь.

Может быть, вы знаете, что это за Палочка такая?

3. АНДРЕЕВА ЧЬИ ПЕСНИ ТЫ ПОЕШЬ

В. Соловьев-Седой

Когда произносишь имя композитора Василия Павловича Соловьева-Седого, нельзя не вспомнить песню «Подмосковные вечера». Ее слава началась в дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Уже несколько лет ее поют в Ливане, США, Бразилии, Варшаве, Париже, Будапеште, Лондоне... И не случайно, когда приехавшему к нам из-за океана, ныне известному пианисту Вану Клиберну захотелось от всего сердца ответить на радужный прием, оказанный ему в Москве, он вслед за словами: «Я полюбил вас» — сел за рояль и сыграл «Подмосковные вечера».

Но разве только эта песня? Их так много создано Соловьевым-Седым, задумчивых и протяжных, веселых и праздничных...

Слушая их, ты и призадуматься, и улыбнешься, а иной раз песня напомнит тебе о нехоженных тропах, о дальних путях... И зовут, зовут широкие дороги в песне, которую часто поют ребята — «Попутная-дорожная».

Неиссякаем источник мелодий! И каким нужно обладать дарованием, чтобы каждый раз создавать еще и еще новую песню! Если собрать все песни Соловьева-Седого вместе в огромный дорожный мешок — они, наверно, не поместились бы! А если бы и уместились, да вдруг где-нибудь на полке в поезде начали свою жизнь, и, конечно, по порядку — каждая в отдельности, — сколько дней понадобилось бы, чтобы они прозвучали? Много, очень много. Может, даже целый год.

Так и слышишь, как несутся песни по полям и лесам из окон вагона, с борта парохода или лодки вдоль

многоводных рек, по синим просторам морей. Вспомните песню «Марш нахимовцев». Как стремительна и подвижна ее мелодия!

Почему так легко льется песня Соловьева-Седого? Почему так хочется ее спеть?

С давних пор песня всегда была рядом, дружба с ней началась у композитора с самых ранних лет. Дружба верная и неразлучная.

Еще маленьким мальчиком он почувствовал ее силу, задушевность. Хорошо пела народные песни его мать. Отец будущего композитора крестьянин Павел Соловьев, уехавший из деревни в конце прошлого века на заработки в Петербург, мастерски играл на гармонии...

На Старо-Невском проспекте в одном из больших домов, где Соловьев устроился дворником, и родился будущий композитор. Слово «Седой» к своей фамилии он добавил много лет спустя в память отца, который в детстве за светлые волосы называл его «седым».

Восьмилетним ребенком, стоя у витрины музыкального магазина и не сводя глаз с балалайки, на которой был нарисован пряничный домик, мальчик Вася просил отца купить ему эту балалайку. Сперва отец не соглашался, но сын так просил и заливался слезами, что балалайку пришлось купить.

«И с того дня, — рассказывает композитор, — в небольшой, разгороженной ситцевым пологом комнате моего отца — старшего дворника — покой был нарушен».

Мальчик не расставался с балалайкой, она была с ним всюду, и даже ночью он клал ее возле себя. Теперь все песни, которые он слы-

шал, можно подбирать на трех струнах. Песни Питерской городской окраины, знакомые с колыбели народные песни, привезенные из-под псковской деревни его матерью.

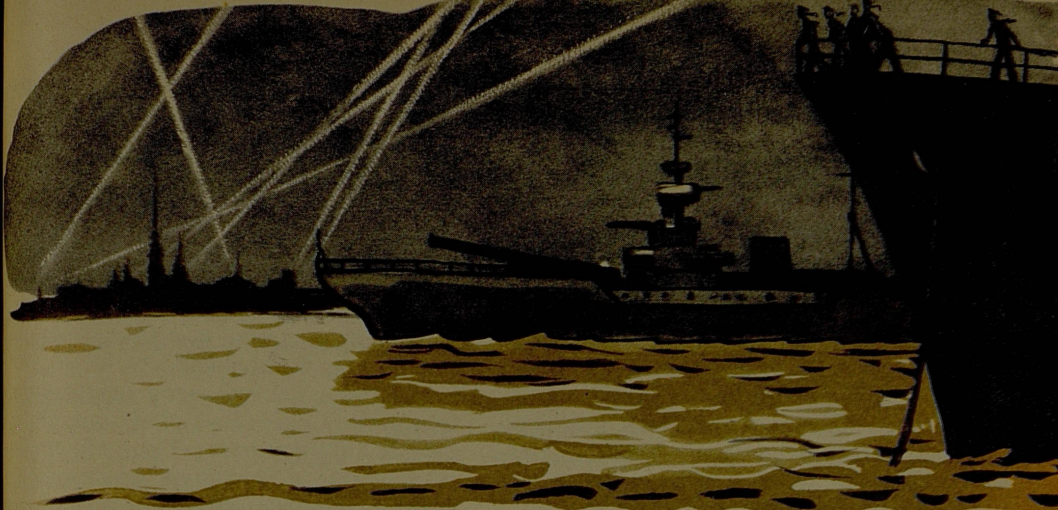
Не сразу научился он этому, но с каждым днем все новые и новые мелодии звучали на балалайке. Счастью не было конца! Кроме того, произошло еще одно важное событие: Вася познакомился с двумя мальчиками, игравшими на гитаре и мандолине.

Вспоминая свое детство, Соловьев-Седой рассказывает, как он и два его товарища собирались на черной лестнице, усаживались в глубокой нише окна и начинали играть. Но долго им играть не давали. На площадку то и дело открывалась дверь, из кухни выбегала рассвирепевшая женщина и выгоняла ребятшек. Так их гнали со всех этажей. Зная об этом заранее, они начинали играть на пятом этаже, а заканчивали на втором. Правда, с улыбкой вспоминает Соловьев-Седой, таких лестниц в доме было около шести!

Несколько позже будущий композитор научился подбирать мелодии на рояле. Подружившись с киномехаником небольшого кинотеатра, он помогал перематывать киноленты, подметал пол в зале, выносил мусор. Делал он все это только потому, что киномеханик разрешал мальчику после всего сесть за старое дребезжащее пианино и подбирать знакомые песни.

Вскоре он начал обучаться игре на гитаре, и балалайка уже не казалась ему такой заманчивой. Вся любовь перешла к гитаре.

...Сложны и неповторимы пути творчества композиторов, писателей,

художников. Иной раз что-то услышанное или увиденное в детстве, в юности неожиданно воскресает в произведениях зрелого художника. И не перенесена ли композитором его любовь и нежность к родному дому на Старо-Невском в песне «Дом над Невой?».

После Октябрьской революции жизнь семьи Соловьевых изменилась. Из дворницкой их перевели в квартиру, где было поставлено пианино. Можно себе представить, как был счастлив будущий композитор! К тому же в это время он познакомился с одним из жильцов дома, старым виолончелистом, который играл в оркестре Мариинского театра. Одиннадцатилетний мальчик бывал в гостях у своего нового знакомого, играл ему. А однажды виолончелист повел его в театр на оперу-сказку Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже», которой дирижировал Альберт Коутс. Васю посадили в оркестровой яме у ног дирижера, и мальчик боялся пошевелиться. Что происходило тогда с ним! Ведь он впервые присутствовал на таком представлении. Огромный

оркестр, музыка Римского-Корсакова, блеск сцены, пение артистов.

Вася долго жил впечатлениями этого события. Музыка ему снилась, она звучала где-то внутри...

Вскоре Вася поступил учиться в трудовую школу, где в праздничные вечера по окончании традиционного концерта с участием школьников все просили будущего композитора аккомпанировать танцам. Ребята с шумом раздвигали стулья, ставили их вдоль стен, а в центре начинали кружиться пары.

За роялем Васю никто не сменял, да никто и не смог бы так хорошо и долго импровизировать танцы.

Играя на балалайке, гитаре, потом на рояле, развивал свой талант будущий композитор.

Впереди была серьезная учеба в музыкальном техникуме, консерватории. Незабываемыми на всю жизнь остались для Соловьева-Седого занятия в классе профессора Рязанова, сыгравшего большую роль в жизни композитора. Ученики любили Рязанова и за высокую культуру, и за то, что он научил их понимать классическую музыку, народную песню,

а главным образом за то, что он видел и развивал в каждом из них его личные наклонности, способности. Рязанов верил в силы Соловьева-Седого. Он чувствовал в нем мелодическое дарование, тяготение к подголосному обогащению мелодии. Это вдохновляло и поддерживало силы будущего композитора, путь которого, по его же признанию, был трудным. «Долго я не мог найти себя», говорит Соловьев-Седой.

Широкая популярность композитора началась во время Великой Отечественной войны. С этих дней его песня нашла свое место.

Не так часто можно узнать со слов создателя той или другой песни о том, как она возникла, появилась на свет. И поэтому всегда очень ценно то, что рассказывает об этом сам композитор.

«Вечер на рейде» — прощание с любимым городом, к которому рвались фашистские полчища, песня, которую пели бойцы на фронте и в тылу, — родилась в первые дни войны в Ленинграде.

Одним августовским вечером, вспоминает Соловьев-Седой, он вместе с другими композиторами, музыкантами, писателями работал в порту. Вечер выдался особый, какие бывают только на Балтике. Невдалеке на рейде стоял какой-то корабль, оттуда доносились звуки баяна и тихая песня. Когда работа была закончена, Соловьев-Седой долго стоял и слушал, как поют моряки.

«Я слушал и думал о том, что хорошо бы написать песню об этом тихом, чудесном вечере, неожиданно выпавшем на долю людей, которым завтра, может быть, предстояло уйти в опасный поход...»

Из порта Соловьев-Седой возвращался с поэтом-песенником Александром Чуркиным и поделился с ним своим замыслом. Через два дня была создана музыка, для которой поэт Чуркин написал слова.

Боевое крещение песня получила уже на фронте, куда композитор ездил с театральной бригадой. Концерты проходили в избах, сараях, землянках, блиндажах.

Когда в низкой, едва освещенной землянке Соловьев-Седой, окруженный бойцами, запел «Прощай, любимый город» и услышал, что ему подпевают сперва тихо, а потом все громче, он с радостью подумал, что песня дошла до солдатского сердца. И всегда, вспоминает Соловьев-Седой, эта песня опережала нас. Мы начинали концерт на новом месте, а нам уже кричали: «Вечер на рейде! Вечер на рейде!»

Чутко прислушиваясь к сердцу советского человека, Соловьев-Седой создал в дни войны много песен на слова наших поэтов. Обогащенные талантом композитора, песни были настолько популярны и любимы, что, казалось, они родились в народе («Давно мы дома не были», «Соловьи» и другие).

И в послевоенные годы композитор в своих песнях передает думы и чаяния людей, занятых мирным трудом, рассказывает о детях, шагающих в школу, детях, окруженных голубями. Так появились песни «Голубиная почта», «Голуби в Москве».

Однажды рабочие ленинградского завода «Красный выборжец» попросили Соловьева-Седого написать для них песню. И вот в один из весенних дней композитор и поэт Чуркин приехали в обеденный перерыв

на завод. Они привезли песню «Любите свой завод».

Сев за рояль, Соловьев-Седой начал петь, и уже вскоре несколько голосов из зала заводского клуба вторили композитору. Голосов становилось все больше и больше. Наконец, запел весь зал. А первого мая красноыборжцы вышли с этой песней на первомайскую демонстрацию.

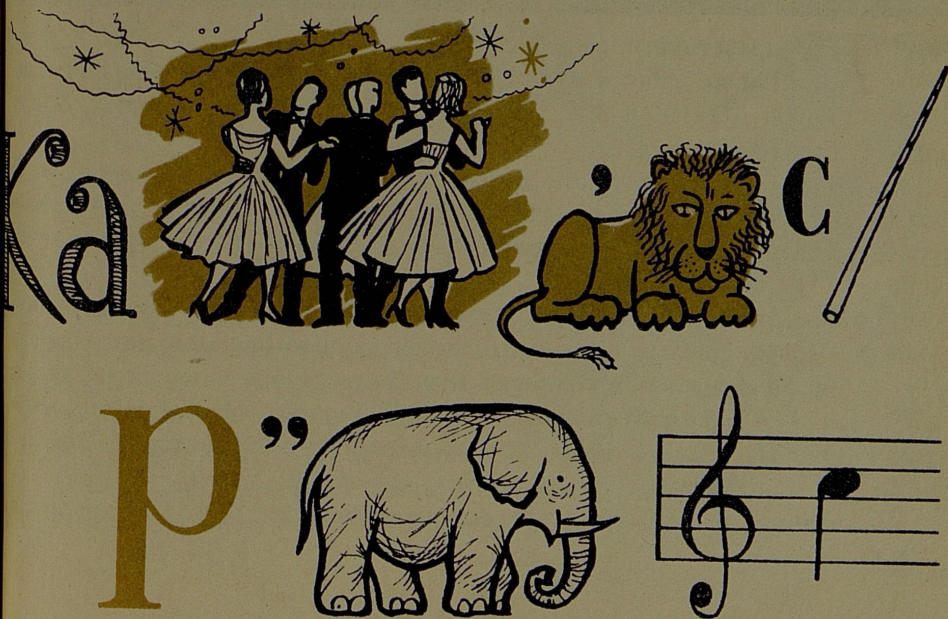
Песни Соловьева-Седого близки и взрослым и детям. Никого не может оставить равнодушным мужественная песня «Если бы парни всей земли». Она была в числе песен, за которые композитору присуждена Ленинская премия. Нет ничего удивительного в том, что наряду с «Подмосковными вечерами» эта песня завоевала мировую известность. В ней не только вера в дружбу молодых

людей всех стран, которые могут бороться за мир, но и страстный призыв: «Парни, парни, это в ваших силах — землю от пожара уберечь!»

Один из друзей Соловьева-Седого говорил: что бы ни писал композитор, будь то симфоническое, оперное произведение, он всегда останется верен песне.

«Я счастлив, что многие из моих песен, — сказал Соловьев-Седой, — поются советскими людьми. Работая над этими песнями, я всегда стремился заглянуть в самые сокровенные уголки души моего героя, с наибольшей теплотой и сердечностью передать его чувства, показать, что чувства эти свойственны не только ему одному, а близки и понятны всем, кто окружает его».

Викторина-ребус

В. БЕЛОБОРДОВА

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПОЧТАЛЬОНЫ

Здравствуйте, ребята!
Вы не забыли нас? Мы — товарищи музыкальных почтальонов ДО, РЕ и МИ, которые уже были у вас в гостях. Зовут нас ФА, СОЛЬ и ЛЯ.

Мы тоже разносим ребятам в интернате приглашения на музыкальные беседы, на концерты, спрашиваем у товарищей, какие музыкальные произведения они хотят услышать. Сейчас у нас работы еще прибавилось.

Почтальон ФА. Раньше, когда мы еще только начали учиться в интернате, ребята просили исполнить песни из кинофильмов или музыку для танцев. Они любили только эту музыку и другой никакой не знали.

Теперь они просят исполнить музыку Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова и других русских и иностранных композиторов. Они полюбили ее, и могут слушать эту музыку много раз.

Учительница рассказала и о музыкантах-исполнителях. Она говорила,

как много надо работать, чтобы хорошо играть на любом инструменте или петь.

Только вот, что плохо. Мы мало знаем музыкантов-исполнителей. Когда учительница однажды попросила нас назвать знакомых нам пианистов, скрипачей, певцов, мы не сумели ответить. Правда, некоторые из ребят знали имена Шаляпина, Лемешева, Поля Робсона, но из скрипачей и пианистов мы никого не могли вспомнить.

Учительница посоветовала нам выпускать газету «Музыкальная жизнь» и в ней рассказывать всем ребятам о музыкантах, их концертах и, вообще, о новостях в музыкальной жизни нашей страны.

Желающих принять участие нашлось очень много. Мы рассматривали фотографии музыкантов, которые нам принесла учительница, читали о них заметки в газетах, журналах и думали над тем, как лучше разместить этот материал в нашей газете.

В первом номере мы рассказали о двух замечательных советских музыкантах, известных во всем мире: скрипаче Давиде Ойстрахе и пианисте Святославе Рихтере. Здесь же мы поместили их портреты

Святослав Рихтер в то время как раз только что вернулся из концертной поездки в Америку, и мы дали несколько вырезок из газет и журналов, в которых было написано, с каким успехом там проходили его концерты.

В другой заметке мы рассказали о хоре эстонских учителей пения, который выступал с концертами в Москве. Фотографии для газеты мы взяли из программки, которую наша учительница принесла с концерта хора.

Другой выпуск газеты «Музыкальная жизнь» был посвящен декаде украинского искусства и литературы в Москве. Газета получилась у нас очень веселая, вся в ярких, цветных фотографиях: портреты замечательного украинского певца Б. Гмыри и молодых, но уже известных певиц Галины Олейниченко и Балы Руденко. Были в газете еще фотографии: капелла банду-

ристов, украинские танцы и другие. Рядом с фотографиями мы вклеили небольшие вырезки из газет и журналов с пояснениями.

Газеты мы по обыкновению вывесили в общем коридоре. Сейчас же около них собралась толпа ребят, все стали разглядывать картинки и читать надписи.

Мы все очень радовались, и решили выпускать свою газету регулярно. Теперь мы ищем нужные сведения в книгах о музыке, в журналах «Музыкальная жизнь», «Советская музыка», «Огонек», в газетах «Советская культура», «Комсомольская правда» и «Пионерская правда».

Почтальон СОЛЬ меня уже торопит, но я еще хочу сказать, что мы начали также выпускать альбомы о композиторах и об отдельных операх и балетах. Например, о Чайковском, о Римском-Корсакове, о балете Чайковского «Лебединое озеро», об операх Глинки «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». Во время работы над этими альбомами мы слушали ту музыку, о которой в них рассказывалось. А когда потом другие ребята приходили к нашей учительнице на беседы, посвященные музыке, она им показывала наши альбомы.

Почтальон СОЛЬ. А я расскажу вам о том, как наши пионеры работают с октябрятами.

К 40-летию пионерской организации мы задумали сделать много дел. Каждый выбрал то, что ему было интересней.

А отличникам по лению предложили заниматься музыкой с октябрятами. Сначала было много волнений. Само по себе это предложение ребятам очень понравилось, но как заниматься с малышами музыкой, что с ними делать, чему их учить, никто не знал.

Спорили долго, а потом решили пойти к учительнице пения и посоветоваться с ней, как быть.

Учительница сказала, что с малышами надо и песни петь и музыку слушать. А кроме того, поскольку они не любят долго сидеть на одном месте, пусть они двигаются под музыку.

Учительница посоветовала выучить с малышами песню композитора Раухвергера «Октябрята». Сначала она сама разучила ее с нами, а потом объяснила, как надо учить петь малышей.

Затем она предложила взять какую-нибудь простую народную песню (например, «Как на тоненький ледок», «На зеленом лугу», «Веселые гуси», «Саша и Гриша») и инсценировать ее, то есть разыграть ее в движении, как маленькую музыкальную сценку. Сперва под руководством учительницы мы сами, как малыши, разыгрывали эти инсценировки.

Особенно нам понравились две песни. Одна из них называется «Про котят». Это английская народная песня. В ней поется про трех маленьких котят, которые потеряли в саду свои перчатки. А мама их за это наказала. Потом котята нашли свои перчатки, выстирали их и повесили сушить.

Мама похвалила котят и дала им всем по пирожку.

Эту песню мы пели все вместе, а Люда, Оля и Маша под наше пение показывали на сцене, как котята гуляют в саду, как они ищут перчатки, как стирают их и вешают сушить. А самая высокая девочка Галя изображала маму-кошку: она сначала бранила котят, а потом, когда они нашли перчатки, угощала их пирожками.

Вторая песня называлась «Про гусят и сапожника». Это немецкая народная песня. В ней поется про трех маленьких гусят, которым холодно ходить босыми лапками по снегу. Сапожник пожалел гусят и сшил им на каждую лапку по сапожку.

Сначала эта песня играется целиком, без слов. Под музыку, кружась, вылетают девочки-снежинки. Они опускаются на пол: как будто снег покрыл всю землю. Гусята, съехившись, сидят в снегу, им очень холодно. Потом хор начинает петь песню со словами, а гусята и сапожник делают под музыку все то, о чем поется в песне.

Мы уже начали разучивать с октябрятами эти песни. Было немало волнений, потому что оказывается не так-то просто научить малышей разыгрывать разные сценки. У нашей учительницы как-то все легко и гладко получалось, а у нас — не очень... Но ничего! Трудно было только вначале, а потом мы стали привыкать.

Мы хотим научить ребят слушать музыку и собираемся поиграть им небольшие пьесы, которые есть у нас в грамзаписи (например, пьесы из «Детского альбома» Чайковского).

Нам очень нравится музыкальная сказка С. Прокофьева «Петя и волк». Эта сказка записана на пластинку, ее рассказывает артист, а музыка дополняет то, что он говорит. Мы думаем, что эта сказка ребятам понравится.

А еще мы хотим, чтобы они послушали несколько отрывков из «Карнавала животных» композитора Сен-Санса. В карнавале, который изображается в музыке, участвуют разные животные и птицы: львы, антилопы, кенгуру, ослы, куры... Мы расскажем об этом ребятам, а потом будем проигрывать музыкальные отрывки и спрашивать: отгадали ли они, о каком животном идет речь?

Внимание! Внимание!

Нам, музыкальным почтальонам, поручили вести отдел «Музыкальная викторина». Сейчас мы зададим вам несколько вопросов, а вы на них ответьте. Свой ответ посылайте в «Пионерский музыкальный клуб». Мы будем с вами переписываться, хорошо?

1. Какие произведения П. И. Чайковского вы знаете?

2. Какие две оперы написал композитор М. И. Глинка?

3. Какой советский композитор написал балет «Ромео и Джульетта»?

4. Какие инструменты входят в состав симфонического оркестра?

5. Назовите какую-нибудь оперу, которая написана на сюжет произведения А. С. Пушкина?

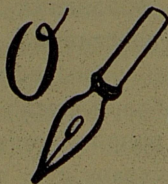
Ну, вот пока и все. Мы прощаемся с вами до следующего выпуска «Пионерского музыкального клуба». В нем вы найдете письма почтальонов ЛЯ и СИ.

Нам очень интересно узнать, есть ли в вашей школе музыкальные кружки, ходите ли вы на концерты, поете ли в хоре или играете на каком-нибудь инструменте.

Пишите нам об этом, мы будем ждать ваших писем.

Ребус Али Швец из Ташкента

а

з

Возьмите в руки карандаш и подсчитайте. Если детскому хору Института художественного воспитания Академии педагогических наук РСФСР более 25 лет, то сколько приблизительно лет теперь тем ребятам, которые впервые выступили в этом хоре?

Задача нетрудная. Но вам не нужно было бы ее решать, если б вы присутствовали на одном из отчетных выступлений этого хора под руководством народного артиста РСФСР, профессора В. Г. Соколова.

Ребята, как всегда, отлично исполняли и пионерские песни, и народные, и классические произведения. Слушатели горячо аплодировали.

Вдруг на сцену неожиданно вышло много взрослых людей—женщин, мужчин. Что такое? Они становятся по порядку в несколько рядов и... начинают петь любимую пионерскую песню «Пути-дороги» И. Дунаевского, а дирижирует ими тот же Владислав Геннадиевич Соколов:

Мы стоим, мы глядим на дымок паровоза,
Огонек впереди свой зажег семафор...

Кто они? Почему все так улыбаются, а профессор Соколов дирижирует с особенным волнением?

Оказывается, это поют бывшие воспитанники детского хора. Много лет тому назад эти люди, ставшие теперь врачами, инженерами, учителями, артистами, дирижерами, под

руководством Владислава Геннадиевича пели песни...

За эти годы детский хор прошел большой путь. Одни юные певцы вырастали и уходили, на смену им приходили другие. Владислав Геннадиевич Соколов с большим умением передает свой опыт и любовь к песне участникам хора. Ребята выступали в Консерватории, на сценах школ, домов пионеров, на пионерских слетах, на VI Всемирном фестивале в Москве.

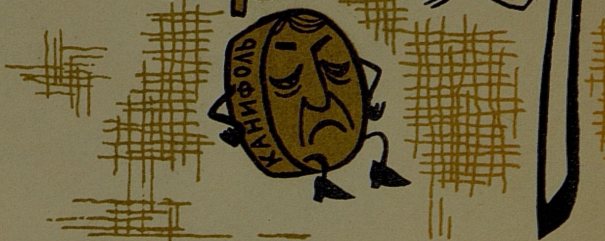
Вы все часто слышите выступление детского хора Института художественного воспитания по радио, телевидению. Многие произведения в исполнении хора записаны на грампластинки.

Высокое хоровое мастерство и любовь к песне—вот что способствовало популярности этого хора в нашей стране и за рубежом.

Дофаси в музыкальном клубе

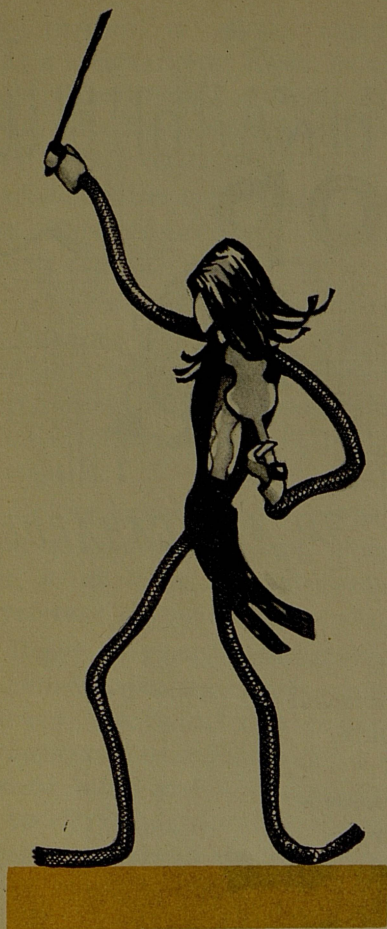
Музыкальный спор

Э.М. АЛЕКСАНДРОВА

(БАСНЯ)

Смычку сказала Канифоль:
— Ты без меня полнейший ноль!
Не смажь тебя перед игрой —
Пойдет не музыка, а вой!
— Тебе ль судить меня, сморчок? —
С презрением отвечал Смычок.
— Я — главный в музыкальном деле!
Трепещут Струны предо мной:
Я тронул их — они запели,
Оставил — смолкли до одной!
— Сейчас же бросьте этот спор, —
Вступили Струны в разговор, —
Вас трудно слушать без улыбки:
Ведь всем известно с давних пор,
Кто оживляет душу скрипки!
В молчание погружена,
Не в силах сбросить дремы тяжкой,
Без Струн осталась бы она
Обыкновенной деревяшкой!

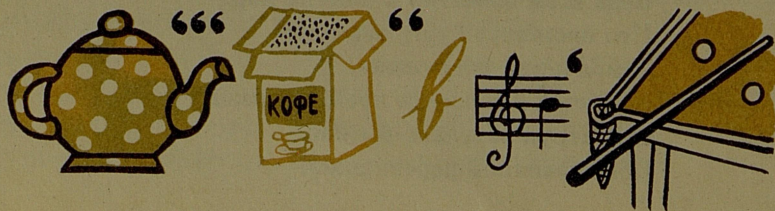

Но тут Скрипач вмешался вдруг:
 — Не стыдно ль ссориться напрасно?
 Ведь без моих умелых рук
 Вы все бессильны, это ясно!
 Вам без меня никак нельзя,
 А мне — без вас, скажу по чести.
 И нам поэтому, друзья,
 Всего нужней держаться вместе.
 Пойдемте ж дружно к трудной цели
 И убедим иных задир,
 Что в музыке, как в каждом деле,
 Важны согласие и мир!

Эту фигурку, изображающую великого музыканта Паганини, сделала из электропровода Эмилия Александрова, автор басни «Музыкальный спор».

Не попробовать ли и вам, ребята, сделать такую же?

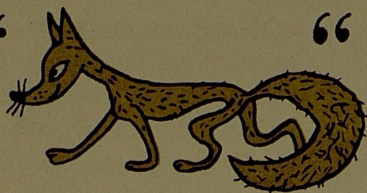
РЕДУС ВЕРЫ ИВАНОВОЙ из ГОРЛОВКИ

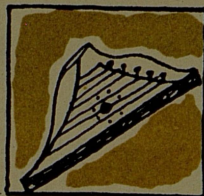
Если ребус
отгадаешь,
инструмент народный
ты узнаешь!

‘

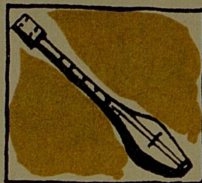
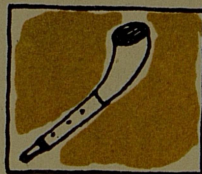
“

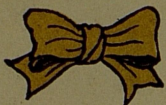
‘

“

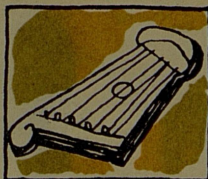
БК

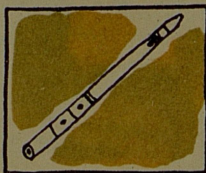
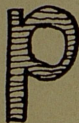
‘

““

““

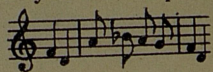

ОТВЕТЫ

на вопросы, помещенные в № 3 «Пионерского музыкального клуба»

Стр. 25. Тоска́, То́ска. Стр. 45. Аида, Отелло, Фальстаф, Декабристы; Семья Тараса; Спартак; Шуман. Карнавал.

Стр. 51. Гу, лур, кавал, чанг, ди. Стр. 58.

(Песня Дм. Покрасса «Прощание». Стр. 67. Краковяк, Казачок, Куявяк; Конек-горбунок, Красный цветок. Стр. 78. Ключ, нота, Лист, баян, альт, тарелки; Тон, секунда, такт. Стр. 79. Триоль. Стр. 80. Кроссворд. По горизонтали: 1. Баркарола. 5. Ларго. 6. Орган. 7. Нежданова. По вертикали: 1. Барабан. 2. Кобольд. 3. Ригодон. 4. Атакка (на итальянском языке это слово пишется с двумя т и двумя к).

СТРОКА ВЪ

ТАКА ДОЛЖНА БЫ
ПО

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ
пуск 4

м., Музгиз, 1963
78

БЕВА и И. ШАЛИМОВА
О РОЗЕНБЛАТ
Л. ВИНОГРАДОВА

1-1963 г. А04801 Формат бум
Печ л. 5.85. Уч.-изд. л. 5.58
972 Цена 39 к. Гос. № 30041

ика офсетной печати,
ское шоссе, 78

муз. кб

Много писем получает редакция „Пионерского музыкального клуба“ от школьников. Со всех концов страны откликаются ребята на это издание, рассказывают о своих интересных музыкальных делах.

Во многих школах организованы детские музыкальные клубы, проводятся концерты-лекции силами самих ребят; ученики 3—4 классов Кожевниковской средней школы Томской области выпускают музыкальную газету „Гамма“.

Мы получаем от наших юных читателей предложения, в которых отражены их интересы к музыке: Светлана Сотникова из Барнаула просит рассказать о жизни и творчестве Бетховена, Галина Кокарева из Вологодской области — о Моцарте, Адик Беднарчик из Москвы — об Иоганне Штраусе, Нина Колесникова из села Михайловка — о полонезе Огинского, Жанна Петренко из Анапы — об итальянском мальчике-певце Робертино Лоретти.

В следующих выпусках „Пионерского музыкального клуба“ мы постараемся удовлетворить ваши пожелания, дорогие ребята!

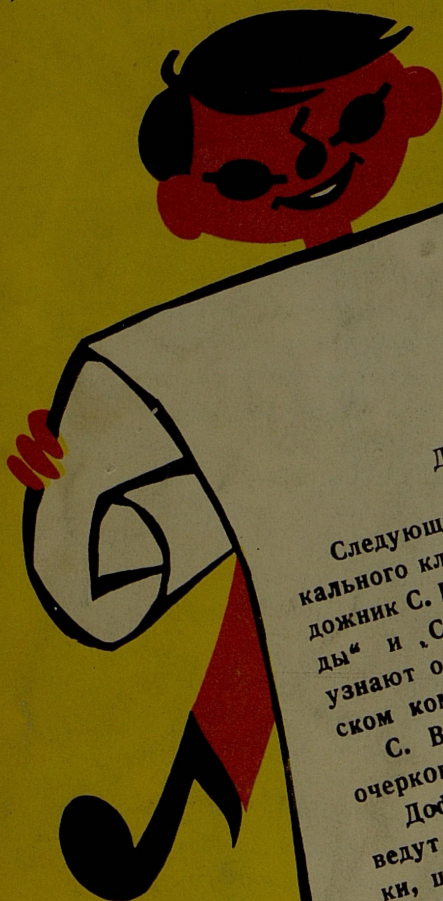
Редакция получает музыкальные шарады, кроссворды, ребусы, загадки, составленные самими юными читателями. Самые интересные мы будем помещать в наших выпусках.

Правильные ответы на загадки, шарады, ребусы, помещенные в предыдущих выпусках, прислали Люда Никонова из Архангельска, Юра Большаков из Николаева, Шура Трешкина из Москвы, Лариса Пец из г. Печоры и многие другие.

Ждём ваших писем!

Наш адрес:

Москва, Неглинная, 14
Детская редакция Музгиза

Дорогие ребята!

Следующий выпуск "Пионерского музыкального клуба" открывает замечательный художник С. Коненков. Из рассказов "Хочу правды" и "Сердце Шопена" любители музыки узнают о Даргомыжском и о великом польском композиторе.

С. Виноградова продолжает серию своих очерков о симфоническом оркестре. Дофаси вместе со своей подружкой Лями поведут вас по страничкам, где напечатаны шутки, шарады, кроссворды, ребусы.

Шлите свои заказы на "Пионерский музыкальный клуб" в местные Книготорги или по адресу: Москва, А 171, 1-й Новоподмосковный пер., д. 4, магазин "Ноты-почтой".